

WE/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 4 (20) 1998

WE/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖАУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 4 (20) 1998

Международный женский журнал, 1998 № 4 (20)

Проект «ВЫ и МЫ» осуществляется Национальным комитетом по исследованию жизни женщин (США) и Ассоциацией журналисток (Россия)

Над выпуском работали:

Надежда Ажгихина, Колетт Шульман, Елена Черкасова,
Мария Литвинова, Ирина Савельева, Лариса Лебедева,
Валентина Казакова, Людмила Маркелова

В редакционный совет также входят:

Катрина ванден Хувел, Мариам Чамберлен,
Анастасия Посадская-Вандербек, Елена Кочкина, Ольга Липовская,
Любовь Штылева, Лариса Бойченко

Рабочая группа издательства «Эслан»:

И.Матушкина (отв. за выпуск)
К.Федорова, Т.Шишова (компьютерная верстка, оформление),
Е.Остроумова (корректор), Л.Лебедева, О.Пилюзина

Отзывы и предложения

Вы можете направить по адресу:

125319 Москва, а/я 43
e-mail ww@sequestr.ru
английская версия в ИНТЕРНЕТ
WWW.NEWW.ORG/VIM

а также:

National Council for Research on Women,
530 Broadway, New York, NY, 10012, USA

ISBN 5-7756-0022-3
ISBN 5-7756-0064-9

© Колетт Шульман, Надежда Ажгихина, 1998 г.
© Художник. Лариса Лебедева, 1998 г.
© Оформление. Издательство «Эслан», 1998 г.

Издание зарегистрировано в Государственном Комитете Российской Федерации по печати 14.10.1997 г.
Регистрационный номер свидетельства 016677.

При перепечатке ссылка на «WE / МЫ» обязательна

Сдано в набор 23.06.1998. Подписано к печати 20.07.1998. Тираж 5000 экз. Физ. печ. л. 5,0.
Печать офсетная. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика».
Издательство «Эслан» (тел. (095) 151-52-28), издательская лицензия ЛР № 065736 от 11.03.1998.
Отпечатано в Подольской типографии: 142100 г. Подольск, ул. Кирова, 25.
Заказ № 1018.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА	4
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ	5
ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ	6
Колетт Шульман. Как растить мальчиков?	6
Оля Черенцова. Я менялась вместе с ним	10
Колетт Шульман. Матери о сыновьях	11
Елена Чакириди. Взгляд со стороны	13
ЗДОРОВЬЕ	14
О.Б. Осколкова. Маргарет Сангер: У истоков движения за контроль рождаемости в Соединенных Штатах Америки	14
Колетт Шульман. Алекс Сангер: наследник великого дела	15
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ	18
Анна Дунаевская. Женский парламент — сообщество единомышленников	18
Анна Дунаевская. Надя, Надина, Надежда	19
Тамара Комиссарова. Библиотечная легенда	21
Валентина Юрьева. Для детей нужно издавать как для взрослых. Только лучше	23
Валентина Казакова. Маленькая женщина в «мужском» бизнесе	24
Валентина Казакова. Милицейский погон на женском плече	26
Ирина Макарова. Нет проблем в обществе более незначительных, чем женские	29
ПСИХОЛОГИЯ	31
Ирина и Виктор Каган. Помогая другим (беседа третья)	31
МЕЛОЧИ ЖИЗНИ	35
Наталья Арт. Как я выходила замуж по американским рецептам	35
КНИЖНЫЙ ШКАФ	38

Заметки редактора

Первая половина лета для многих женщин как в России, так и в других странах, прошла не только под знаком тепла и долгожданных отпусков. Это было время подведения итогов, проведения конференций и симпозиумов, открытых дискуссий на национальном и международном уровне. В конце мая в Дубровнике (Хорватия) по инициативе Женской Инфотеки — одной из наиболее влиятельных женских организаций региона — состоялся семинар «Милитаризация Европы и возможности женского движения», собравший два десятка представителей стран Восточной и Центральной Европы, Западной Европы и США. В центре обсуждения, вызвавшего горячие споры, находились проблемы строительства мира после конфликта, возможности народной дипломатии и пацифизма, а также цена и последствия экспансии НАТО на восток. В Москве прошла Национальная конференция по положению женщин, состоявшаяся ряд обсуждений по вопросам гендерной экспертизы российского законодательства, завершили работу несколько семинаров и конференций. Впервые «женская тема» прозвучала отчетливо (и была представлена выступлениями специальной секции) на международной конференции «Права человека и СМИ», состоявшейся в МГУ. Завершился семинар Центра «Женщины за глобальное лидерство» в Нью-Джерси и Нью-Йорке, на заключительном открытом заседании в помещении информационного центра ООН было приятно увидеть Светлану Шакирову из Феминистской Лиги Казахстана. Мы успели обсудить не только последние события, но и договориться о будущем «Журнала в журнале», посвященном Казахстану, где наши выпуски ждут, передают их из рук в руки, обсуждают. С читателями «WE/MY» довелось встретиться и в Армении, где состоялся первый семинар «Гендерные исследования и журналистика», организованный Ассоциацией университетских женщин во главе с Джеммой Асратян и Армянским отделением UNDP. Завершили работу летние школы по женским и гендерным исследованиям в Польше (Краков), на Украине (Форос) и в России (Таганрог). Готовится межрегиональный семинар в Петрозаводске, а сейчас, когда я пишу эти строки, в Иркутске проходит международный женский форум по Байкалу. Об этих встречах мы решили поговорить в следующем выпуске, главная тема которого будет посвящена участию женщин разных стран в политике мира и предотвращении конфликтов, формированию нового типа внешней политики.

Прошедшие месяцы для многих из нас были полны и совсем иными переживаниями. Закончился учебный год в школах, у кого-то дети переходят из младших в средние, из средних в старшие классы, у кого-то сын или дочь решают, в какой университет или колледж пойти. Несмотря на различия в системах образования, национальных традициях и повседневной практике, волнуются родители во всех странах одинаково. И, наверное, во всех странах матери волнуются немного больше отцов. В этом номере мы решили поговорить о нас, матерях, о наших ожиданиях, надеждах, иллюзиях, заблуждениях. И начать этот долгий (мы надеемся) разговор решили с очень старой — и все равно очень острой — темы. С воспитания мальчиков. Центральный раздел номера так и называется — «Воспитание мальчиков». Конечно, в этом процессе принимает участие не только мама, но и папа, и бабушки с дедушками, братья, сестры и другие родственники, а также друзья, соседи, учителя. Но пока мы поговорим только о матерях и сыновьях, а также о том, как оценивают эти отношения женщины в России и США. Разговор только начал — он будет продолжен в следующих выпусках. Надеемся, что читательский интерес вызовут и другие темы — «Журнал в журнале» из Саратовской губернии, новые публикации разделов «Здоровье», «Психология», «Мелочи жизни» и других.

Будем признательны за ваши суждения о публикациях — они очень помогают нам в работе над новыми выпусками. Хорошего вам лета!

Ваша Надежда Ажгихина

Обратная связь

Мне кажется, у журнала начался новый период. Для себя назвала его «поход в российские регионы». По крайней мере два последних выпуска наводят на мысль, что публикации «Журнал в журнале» — не случайность, а хорошо продуманная закономерность. И это приятно. Информации о жизни женщин на просторах России практически нет. Поэтому интересно читать все публикации — и более, и менее удачные. Карельский «Журнал в журнале» мне кажется более выстроенным — в нем понятна идея «приглашенных редакторов», стремящихся показать развитие женского движения в республике. Рассказ о Кольском полуострове более разбросанный — и в то же время более разнообразный. Могу лишь догадываться, но, на мой взгляд, Надежда Хлебникова не считает себя такой убежденной феминисткой, как Лариса Бойченко и Наталья Красавцева. Во всяком случае, очень интересно было сравнить два этих выпуска. Буду ждать новых. Могу порекомендовать обратить внимание в будущем не только на Север Европейской части России, но и на Сибирь. Это богатейший край — не только полезными ископаемыми, забастовками и социальными конфликтами, но и лидерами, яркими талантами, среди которых немало женщин. Между прочим, среди руководителей независимых профсоюзов России почти нет женщин. Так ли это в США, в других странах? Хотелось бы узнать.

С уважением

Вячеслав Черепанов

Дорогие издатели журнала!

Прежде всего — спасибо за интересные статьи и интервью, читаю все цвета журнала от корки до корки, их приносит внучка. Самое любопытное в том, что, мне кажется, я даже стала лучше ее понимать после того, как познакомилась с выступлениями отечественных и зарубежных специалистов, ученых и писателей. К сожалению, такого, как на ваших страницах, разговора с читателем в современной периодике почти нет (я регулярно читаю несколько изданий, в том числе и «женских»). Осмелюсь выступить с предложением: рассказать поподробней о жизни женщин пенсионного возраста в разных странах мира. Госпожа Погребин (интересно, нет ли у нее русских корней?) очень хорошо написала о смысле старшего возраста, о том, что жизнь не заканчивается одновременно со старостью, но становится иной, и не менее значительной. Меня очень волнует эта проблема, мне кажется, в нашей стране женщины-пенсионерки чувствуют себя на обочине жизни, их существование оправдывается в глазах окружающих нередко только в качестве бесплатных нянек для внуков и правнуков. Мои подруги и я не согласны с этим, мы созваниваемся, ходим на концерты, творческие вечера, создали в клубе по месту жительства секцию любителей русского романса, не так давно давали концерт (кстати, мужчинам это тоже пришлось по душе), устроили маленький банкет. Спасибо руководству клуба «Зодиак». О заботах наших говорить можно много — но дело в том, что среди моих сверстниц (а мне скоро будет 70) немало образованных, интеллигентных и ярких женщин, готовых принести пользу людям, активным по характеру. К сожалению, мужчин этого возраста становится все меньше. Не буду задерживать ваше внимание, хочу только заметить, что материал о жизни женщин после 50 был бы с благодарностью встречен многими читателями и поддержан бы многими.

С наилучшими пожеланиями

Евгения Кожемякова,
Москва

Дорогая редакция!

Прочитала в вашем журнале № 3 за 1998 год подборку статей «Женщины в неволе», и просто целый день на работе ничего не ладилось — так глубоко взволновала меня эта тема.

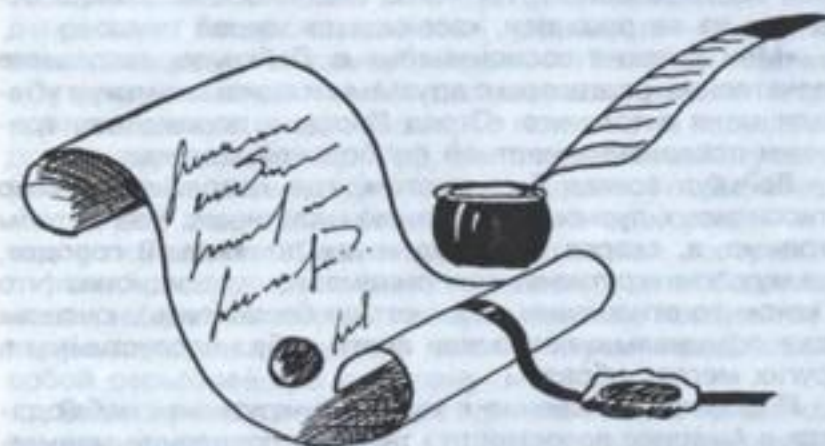
У русских есть пословица: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».

У меня в семье в тюрьме и лагерях 18,5 лет провел дедушка, грек по национальности, репрессированный в 1937 году и реабилитированный в 1955-м. Вернулся он почти трупом и очень неохотно рассказывал маме об этих ужасных годах. Из его переказа можно было понять, что самая ужасная судьба в лагерях была у женщин, подвергавшихся насилию не только со стороны администрации, но и со стороны мужчин-заклученных. В молодости я работала вместе с девушкой, которая родилась в таком лагере от отца-уголовника и умерла от лейкемии в неполные тридцать лет.

Как ни лакируй тюрьму и условия содержания, несвобода все равно есть НЕСВОБОДА, будь то тюрьма норвежская или американская. Но вот о тюрьме русской хотелось бы знать больше. Много лет назад на базе колоний под Владимиром организовывались цеха-филиалы крупных промышленных предприятий, и хорошо помню, что заключенные там содержались без дифференциации совершенных преступлений. Ведь согласитесь, что в этой НЕСВОБОДЕ нельзя вместе содержать наркоманов, воров и нарушителей дорожного движения. Несчастные обстоятельства привели последних к непреднамеренному убийству пешехода. Он или она в отчаянии, а рядом невольные друг или подруга-наркоманка. И немудрено при таких обстоятельствах приобрести тот же порок. То же самое и с хищениями. Было бы интересно узнать: как решается эта проблема сейчас? Или тюрьмы так переполнены, что не до таких «тонкостей»?

Что же можно сказать про статьи Колетт Шульман и Светланы Савицкой? Ничего. Только горько вздохнуть. Читала я когда-то статью про голландскую тюрьму, которая, кажется, так и называлась: «Хочу в голландскую тюрьму». Условия содержания там превосходили условия жизни наших семей военных, беженцев и некоторых других слоев населения.

И все-таки, создай такие условия и у нас в России, вряд ли кто захочет в этот проволочный рай.

Соколова Екатерина Ивановна,
педагог
г. Верхний Волочек

Недавно случайно услышала, как мой двенадцатилетний сын в разговоре с одноклассницей важно заметил: «А между прочим, моя мама редактирует феминистский журнал». Первым моим чувством в этот момент была законная гордость. Но немедленно вслед за этим пришла неуверенность — а так ли это хорошо, что он воспитывается в окружении феминистских идей, знает в лицо лидеров женских организаций, ходит со мной на женские выставки и помогает распространителям «Диалога женщин»? Что не знает разницы между мужской и женской домашней работой и с младенчества привык к тому, что не только папа, но и мама постоянно занята, ездит в командировки и ночами печатает на машинке, а не заводит тесто на пироги? Не помешает ли это ему в его будущей взрослой жизни? Там, где, будем честны, идеи феминизма и эгалитарного брака еще далеко не норма, а, скорее, экзотика, и от мужчины ждут вполне определенных качеств. Будет ли ему комфортно в этом мире? Не хуже, чем сверстникам? Смогу ли я, со своими идеями, опытом и знаниями, ему помочь? И — хотя это кажется невероятно далеко — смогу ли я уважать чужую девочку, его избранницу, так же, как своего сына, не требовать от нее «традиционной женственности»?

Думая об этом, я не могла найти ответа. И, разговаривая с подругами и знакомыми, также не нашла. У каждой был свой подход, свои надежды, свои ожидания. И так же свой взгляд на этот вопрос будет у матерей во всех странах. Дело не только в феминизме и традиционной семье. Мы живем в столь странном мире, в котором происходят каждый день невероятные вещи, что говорить о том, правильно или нет мы воспитываем своих детей, невозможно. Мы не знаем, какие именно качества будут востребованы завтра, какие сделают наших детей счастливей. Мы можем только надеяться на то, что наша любовь, наш опыт и наше мужество помогут нашим детям. И тем не менее мы начинаем новую рубрику — о воспитании мальчиков. Сегодня мы остановимся только на одном — очень глубоком и объемном аспекте: на восприятии мальчиков матерями. Пока только в двух странах, в двух культурах — российской и американской. Тема будет продолжена в следующих выпусках журнала, и хочется верить в то, что наши читатели также примут участие в обсуждении.

Надежда Ажгихина

Колектт Шульман

КАК РАСТИТЬ МАЛЬЧИКОВ?

«По-моему, необходимо больше писать о мужчинах: как воспитывать мальчиков? в системе каких ценностей их воспитывать? как мать может помочь сыну стать счастливым и свободным от стереотипных взглядов?» — прочитали мы в одном из писем наших читателей.

Меня давно привлекала эта огромная тема, я начала собирать материал, и тут же в центральной прессе появились три статьи: «Как вырастить сына» («Ньюсуик»), «Каким им быть, будущим мужчинам Америки» («Вашингтон пост») и «В центре внимания — мальчики и их проблемы беды» («Нью-Йорк Таймс»). Главная мысль статей — мальчики наши в беде, им все труднее жить внутри современной американской культуры. К счастью, в последнее время появилось много исследований, посвященных воспитанию мальчиков. Эти работы могут очень помочь родителям и учителям.

Женское движение последних десятилетий и многочисленные исследования самых разных проблем, связанных с воспитанием девочек, открыли для девочек и девушек нашей страны новые горизонты. Теперь они могут лучше распорядиться своей жизнью, у них появилось ясное понимание того, что значит быть женщиной. Мальчики же, напротив, все еще в плену старых застывших стереотипов. Многие чувствуют себя чуть ли не отверженными, других все еще подчиняет так называемая «культура жестокости». Мы, американцы, ощущаем это очень остро. В нынешнем году всю страну потрясли выстрелы, прогремевшие в нескольких школах. Мальчики-подростки украли у отцов и дедов охотничьи ружья и ринулись в ярости убивать своих одноклассников! Были убитые и раненые, а один мальчик даже расстрелял своих родителей. Перед случившимся они не раз угрожали на словах (как часто делают мальчишки), что «убьют своих обидчиков». Взрослые слышали эти угрозы, но всерьез их никто не принял.

А несколько лет назад произошла история совсем другого свойства, получившая широкую огласку. В одном калифорнийском городке парни-старшеклассники вели «счет»: сколько девочек они затащат в постель уговором, угрозами или силой. Их спросили: неужели вас не беспокоило, что вы раните чувства девушки, что это может поломать ее будущее? На что один из них ответил: «Я не относился к ним как к девушкам, это были просто «очки в мою пользу». Кстати говоря, в этом городке в начале шестидесятых прошла юность одной моей подруги. У них в школе была футбольная команда, тренер воспитывал в мальчишках волю к победе, как сержант у своих морских пехотинцев. Команду любил весь городок, девушки их обожали — славные были годы, и жизнь казалась просто чудесной.

Потом начались трудные времена. Из окрестных городков стали привозить в школьных автобусах детей черных и латиноамериканцев, что вылилось в расистские столкновения. А тут начались увольнения в когда-то стабильной самолетостроительной отрасли — были урезаны расходы на оборону. На этом фоне разразился скандал с «Отрядом Посс», как называли себя ребята (на старом американском Западе и Юге «поссом» называли отряд добровольцев, формируемый местным шерифом, для погони за преступниками — ковбоями или неграми, которых потом линчевали). Мою подругу Алиду Брилл заинтересовало, как это могло произойти в ее городке. Она провела исследование и написала книгу. Вот несколько отрывков из ее рукописи, касающихся нашей темы:

«Мои детские воспоминания о Лейквуде, тогдашние впечатления, разговоры с друзьями и одноклассниками убедили меня в том, что «Отряд Посс» — порождение традиции поклонения местной футбольной команде.

Лейквуд всегда был местом, где довольно терпимо относились к дурному поведению мальчишек. Не то чтобы терпимо, а, скорее, принимали как должное. В городке, где мужская «крутизна» воспринималась традиционно (что в каком-то отношении не может не беспокоить), юношам даже официально позволяли вести себя недопустимым в других местах образом.

Подобное отношение к мужской «крутизне» наблюдается в Америке повсеместно там, где поведение мальчишек становится проблемой.

Проблему эту можно назвать так — склонность обижать и запугивать младших, слабых, особенно уязвимых. Подобное поведение как бы вошло в неписаный устав многих элитарных средних школ.

В Лейквуде уважающему себя парню полагалось быть «крутым» и во всем верховодить. И только когда поведение Отряда Посс перешло все границы, «крутые парни» стали восприниматься как некая аномалия.

Д-р Кон, глава районного отдела образования, был потрясен, до какой степени жители городка запуганы этой бандой. Причем запуганы не столько угрозой сексуального насилия, сколько традиционным страхом перед «крутыми парнями». Если бы они начали преступную деятельность с сексуального насилия, они бы, возможно, гораздо раньше были переданы властям. Но в том-то и дело, что сексуальные надругательства стали лишь следствием типичного «крутого» поведения этой группы, которое она унаследовала от всех предыдущих групп уличных банд. Вначале банда Посс была просто группой хулиганов, наводящей страх на соседние улицы.

Описанные выше случаи — крайнее проявление антисоциального поведения подростков и юношей, которое стало бичом в школах и в обществе в целом. Мальчики гораздо чаще, чем девочки, слышат, что они не справляются с общеобразовательной программой, их чаще переводят в специальные классы, что ставит на них клеймо на всю жизнь, у них чаще диагностируют шизофрению или аутизм. Им чаще дают лекарства от гипертонии и повышенной рассеянности внимания. Они чаще нарушают дисциплину и совершают больше преступлений, их чаще исключают из школы. И хотя девочки чаще пытаются покончить с собой, в действительности чаще лишают себя жизни именно мальчики. Число взрослых мужчин, попадающих за решетку, оставляя дома жен и детей, растет с ужасающей быстротой. Даже когда внешне все выглядит благополучно, на поверку оказывается, что все совсем не так. Вот что пишет Ольга Сильверстайн в своей книге «Мужество растить сыновей».

«Из своего опыта семейного врача я знаю, что мальчики-подростки считаются примерными детьми, если занимаются спортом, хорошо успевают в школе, проявляют качества лидера и дерзкую отвагу, одновременно не выходя за рамки послушания выходящим авторитетам. А то, что при этом они бывают замкнуты, неконтактны, скрывают свои чувства, как правило, не вызывает беспокойства. Правда, мы сами требуем от них этой отчужденности, применяя разные методы воздействия. Мы, родители, делаем все, чтобы выработать в сыновьях вышеперечисленные свойства. Конечно, мы поступаем так из любви к ним. Мы хотим, чтобы они «вписались» в общество, преуспели и, таким образом, стали счастливы. Но двадцатилетняя врачебная практика убеждает меня — платить за это приходится слишком большую цену: начиная от легкой депрессии, раздражительности, утраты — и кончая агрессивностью и самоубийством. Истинные причины этого редко осознаются. Мы располагаем целым спектром противоречивых представлений о психологии подростков, достаточно правдоподобной симптоматологии мужского (в меньшей степени женского) поведения, чтобы, опираясь на все это, объяснить отклонения от нормы — и на том успокоиться. «Типично для подростка», говорим мы в ответ на самые различные проявления антиобщественного и направленного на самоуничтожение поведения, не задумываясь над тем, что многие случаи представляют собой серьезнейшую проблему».

Эти вопросы в последние годы все больше привлекают внимание исследователей. Особенно это заметно в Бостоне, где психологи, врачи, школьные и университетские преподаватели ведут наблюдения за мальчиками с пер-

вого дня их появления на свет: сначала в родильном доме, потом в детском саду, в школе, в университете. Карол Джиллиган из Гарвардского университета одна из первых начала исследовать психическое развитие девочек, а теперь включила в сферу своих научных интересов изучение психологии мальчиков. «Традиционный подход к детской психологии без учета различия полов глубоко ошибочен, — говорит Карол, — это все равно, что применять одномерную перспективу к двумерному пространству».

Сейчас исследователи в общем согласны, что первый внутренний кризис мальчики переживают гораздо раньше, чем девочки, лет в пять-шесть, а может, даже раньше. С девочками это случается в раннем подростковом возрасте. В младенчестве эмоциональная связь и взаимозависимость между матерью и ребенком одинаковы для девочек и мальчиков. Картина меняется, когда ребенок достигает возраста трех-четырех лет. Отношения матери и дочери не меняются, мальчики же начинают вести себя

по-другому. Мама может услышать от четырехлетнего сынишки: «Вот вырасту, и ты мне будешь уже не нужна». По мнению психиатра Стивена Бергмана, этот разрыв — нарушение связи — может иметь серьезные последствия для всего периода созревания мужчины, для будущих взаимоотношений между полами и для создания стереотипа мужской доминирующей роли, которая проявляется в семье и обществе. Вот глубокие, заставляющие задуматься выдержки из работы Бергмана, анализирующей: «Этот разрыв в отношениях с матерью — первое и главное потрясение в жизни многих мужчин и не меньшее потрясение для самой матери. Это как огромная волна, которая так и будет нести мальчика дальше по жизни. Он первый раз открывает для себя отношения, которые накладывают отпечаток на будущие отношения внутри семьи и общества, между мужчинами и женщинами — и отпечаток этот присутствует постоянно. Заметьте: это не просто разрыв с матерью, о котором любят прочувствованно сетовать традиционные теории! Мальчик порывает связь, основанную на обоюдном участии, какой оказалась связь с матерью. Чем вызван этот разрыв? Не ищите одной определенной причины. Ее нет. Разрыву способствует вся наша культура — ведь мальчику предстоит стать мужчиной! Этого требует пример отца и наш национальный образ Мужчины с большой буквы. Без этого ему не обрести настоящей мужественности. От него ждут, чтобы он скорее отцепился от юбки матери, а самой матери внушают, что ее долг — помочь сыну в этом. Но дело еще и в другом. Кризис гораздо масштабнее. Мальчик отторгает от себя самый процесс участливого общения, он учится быть самодостаточной личностью».

Вследствие этого разрыва для мальчика навсегда останется за семью печатями доброе, участливое отношение с людьми. И он будет взрослеть, утратив связь с окружающими. У девочек все иначе. Их общение с людьми развивается по другому сценарию. Девочка «видит» эмоциональное состояние другого и откликается на него. У мальчика слишком мало возможностей развивать в себе эмпатию».

«Воспитывая мальчиков», — продолжает Бергман, — мы традиционно делаем упор на самостоятельность, личный успех, стремление выдвинуться, стать отличным специалистом. И зачастую это достигается ценой отказа от теплых сопереживающих отношений. Многие мужчины в третье и четвертое десятилетие жизни действительно делают успешную карьеру, они счастливы, полны сил,

пока не наступит критический возраст — конец первой половины жизни. И тут вдруг существование теряет для них смысл: они становятся раздражительными, печальными, чувствуют бесконечное одиночество и впадают в депрессию».

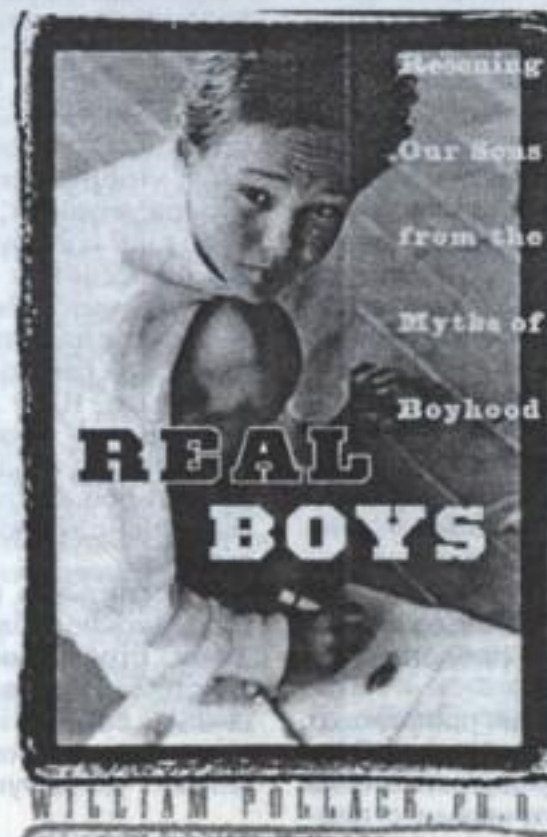
В эту пору и начинаются неприятности — алкоголизм, наркотики. Мужчины затевают рискованные аферы, иногда пускают пулю в лоб, проявляют безразличие или агрессию по отношению к любимым. Если же мужчина занимается влиятельный пост, он ведет себя пренебрежительно или агрессивно к посторонним людям или целым народам. В этом критическом возрасте мужчина пытается иногда восстановить теплые человеческие отношения — с помощью секса. Но с прискорбием обнаруживает, что женщине для полного сексуального удовлетворения необходимо обоюдное душевное участие. Если же в этот период обостренного восприятия потребность в общении не подавляется, происходят удивительные вещи: мужчина идет к психотерапевту, и они начинают вместе «лечить» конфликтные ситуации, порожденные дефицитом общения. И его отношения с детьми, женой, родителями могут восстановиться.

Бергман обнаружил, что, проходя курс психотерапии, мужчина очень часто испытывает страх, который можно интерпретировать как предчувствие опасности. Во время сеанса, в котором участвовали мужчины и женщины, одного мужчину спросили, что, по его мнению, в его жизненной ситуации не так. Он ответил: «Я все время боюсь, что может что-то случиться». Для этого чуть ли не животного страха Бергман ввел термин «мужской страх сближения». Если во время разговора с женщиной, когда психотерапевт старается вывести на словесный уровень глубинные переживания, мужчина начинает испытывать этот страх, ничего хорошего не получится. Ситуация еще больше осложнится, мужчина не захочет сидеть и беседовать и попросту сбежит. После чего он может вообще заречься восстановления сближения. Но есть мужчины, которые делают замечательные успехи. «Правда, — говорит Бергман, — это бывает после того как мужчину принудят взглянуть в лицо общим и индивидуальным расхождениям в отношениях мужчин и женщин».

Чтобы справиться с мужской отчужденностью и страхом перед сближением, два психолога из Бостона (Кейт Дули и Ник Фидел) создали педагогическую программу под названием «Воспитание общения». Ее цель — помочь детям приобрести навыки, необходимые для всех видов общения на протяжении всей жизни. Упор делается на отношения между матерью и сыном. Вот что говорят сами психологи:

«Задача нашей программы — утвердить сближение людей в правах, уничтожить разобщение и дистанцирование. Восстановление связей может быть быстрым и легким, но может быть и длительным процессом, требующим усилий и творческого подхода. Это значит и учить двухлетнего малыша делиться с другими, и помогать девятилетнему подростку справиться с обидой, когда его не включили в школьную спортивную команду, и поддержать советом юношу, переживающего первый разрыв с девушкой».

Мальчикам часто говорят: «не раскисай», «не хнычь», «будь мужчиной», «будь хладнокровен». Эти традиционные призывы традиционной системы воспитания буквально бомбардируют ребенка во всех жизненных ситуациях в разные периоды его жизни. Маленького мальчика осаждают супергерои, которые внушают ему, что преуспевают только сильный, выносливый и стойкий. Школьникам-подросткам прививается этика конкурентной борьбы: победа любой ценой, стремление властвовать. Юношей-старшеклассников недвусмысленно призывают доминировать в спорте и в сексе. Программа «Воспитание общения» нацелена

на то, чтобы свести на нет все эти вредные воздействия. Матери вполне могут воспитать и поддерживать в сыновьях глубокую привязанность, которая поможет им расти не обделенными эмоционально, не утратить теплоту чувств; спасет их от эмоциональной тупости. И, в конечном итоге, став мужчинами, они будут способны к сопереживающему общению.

«Воспитание общения» опровергает укоренившееся заблуждение, что матери, неспособные решительно отрываться от себя сыновей, рискуют вырастить «маменькиного сыночка». Мальчикам, как и девочкам, нужна взаимная теплота общения. Мужественность вовсе не требует разрыва эмоциональной связи с мамой. И в то же время отношения с матерью не могут заменить или считаться более предпочтительными, чем отношения с отцом. Мальчикам, как и девочкам, приносят пользу любые здоровые отношения, и чем их больше, тем лучше.

Дули и Фидел выделяют четыре периода в отношениях между матерью и сыном: ранний детский возраст (3–7), ранний подростковый (8–13), поздний подростковый (14–18), юношеский/взрослый. Для каждого периода характерны свои «лозунги», обращенные к детям традиционным воспитанием. Программа учит матерей, как противостоять этим лозунгам, чтобы их сыновья не утратили способность к теплоте человеческого общению. Психологи организовали многочисленные семинары и курсы для родителей, учителей и психотерапевтов. Их исследование — составная часть более крупного проекта, что дает им возможность постоянно общаться со своими коллегами, также занимающимися психологией мальчиков и юношей.

Я присутствовала на одном из таких семинаров в Бостоне, и мне было интересно послушать, что будет говорить Кейт Дули о воспитании в детях навыков искусства общения. Материал для своих лекций Дули частично черпала из своего огромного опыта психотерапевта и личного материнского опыта. Она рассказала, как помогла сыну Натану протянуть руку дружбы однокласснику Ральфу, у которого умерла любимая собака. Натан знал, как это тяжело, у него самого год назад умерла собака, и все же он не хотел даже позвонить Ральфу, чтобы выразить сочувствие. Он стеснялся, смущался, не знал, что сказать. Дули написала на листке бумаги несколько слов, которые он мог бы сказать Ральфу по телефону. Она уговорила сына, и он позвонил другу. А потом даже подарил ему «горохового бэби», любимую забаву мальчишек в те годы. Так ей удалось наладить эмоциональную связь между двумя четырнадцатилетними подростками. Участники семинара (многие сами психотерапевты) активно обменивались мнениями, состоялась оживленная дискуссия. После выступления Кейт ей долго аплодировали. Значит, матерям семинар действительно принес пользу.

Сейчас, когда я пишу эти строки, вышла еще одна книга на эту тему — «Мальчишки, как они есть: освободим сыновей от мифов». Ее написал бостонский психолог Уильям Поллак. Книга адресована родителям, учителям и вообще всем, кого волнует воспитание мальчиков. Поллак насчитывает три мифа, с которыми следует бороться. Миф первый: поведение мальчиков определяется их природой, и особенно гормоном тестостероном, что делает мальчика жертвой его собственной биологии. Действительно, тестостерон повинен в том, что мальчишки большие непоседы, любят шумные игры и драки. Но спектр действия гормона очень широк, одних мальчишек он толкает к агрессивности — а других усаживает за шахматную доску. Гораздо более важна любовь и забота родителей и то, как они направляют умственное развитие ребенка. В первые годы жизни мозг ребенка податлив, как глина, он постоянно меняется под воздействием окружающей среды. Дело в том, что мы действительно можем формировать поведение ре-

бенка. Надо только искать способы, как направить энергию наших мальчишек в созидательное русло. Если мальчишка любит махать кулаками, дайте ему боксерскую грушу — пусть он учится боксировать. Если он большой спорщик, придумайте для него диспут, где он мог бы оттачивать ораторское искусство. Если он любит кричать и шуметь, придумайте такое состязание, где бы он мог вволю накричаться, хотя бы как болельщик».

Второй миф: «Мальчишки должны быть мальчишками», то есть должны развиваться в соответствии с общепринятыми ценностями «мальчишеского кодекса», проще говоря — кодекса «мачо». Поллак приводит примеры того, как жестокости могут быть парни к тем, кто, по их мнению, недостаточно мужествен, и как долго остаются в памяти минуты позора и унижения. «Не существует одного-единственного пути достижения истинной мужской доблести», — утверждает Поллак.

Третий миф вытекает из двух предыдущих: общество в целом склоняется к тому, что мальчики биологически опасны, т.е. заряжены токсичной энергией. Они не ведают, что творят, они асоциальны психологически и эмоционально — а это, согласитесь, дискриминирует мужчин. Но все это на самом деле не так! Мальчика можно воспитать глубоко чувствующим и отзывчивым, он будет думать о других людях и замечать чувства тех, кто с ним рядом. Поллак дает матерям несколько советов, как, сохранив душевную близость с сыном, подготовить его к жизни в мире взрослых.

1. Открыто говорите с сыном о «мальчишеском кодексе», скажите ему, что понимаете, как важно для него «крутое» поведение с приятелями. Покажите ему на своем примере, что такое эмпатия. В беседах с друзьями и учителями объясняйте им, как вредно влияет на психику мальчика этот самый «мальчишеский кодекс».

2. На примере мужчин, которых вы любите и уважаете, объясните вашему сыну, что такое настоящее мужское достоинство. Расскажите ему, что вы любите их за доброту, любовь к музыке и живописи, что вам нравится их манера одеваться, самостоятельность их мышления.

3. Выполняйте родительские обязанности поочередно с мужем, пусть ваш сын видит, что любовь и забота о детях — удел как матери, так и отца, и что строгость и требовательность исходит и от матери.

4. Заметив, что у сына на душе тяжесть, постарайтесь поговорить с ним об этом. Найдите предлог побыть с ним вдвоем, придумайте, что сказать, чтобы он поделился с вами своими чувствами. Если сразу не удастся вызвать его на откровенность, не упустите момента, когда он сам захочет открыться вам. Не настаивайте, проявите понимание, если он упорно отмахивается. Помните — ему необходимо побыть одному. Но будьте поблизости: вы ему обязательно понадобятся, он сам захочет общения с вами.

5. Старайтесь вместе заниматься каким-то делом — гуляйте, играйте в игры, занимайтесь уборкой. Для многих мальчиков совместные занятия — лучший способ сближения.

6. Не прячьте своих чувств. Пусть сын знает, что вы его любите. Это придаст ему силы в отношениях с внешним миром.

Одиноким матерям Поллак советует не обращать внимания на распространенное мнение, что мать-одиночка неспособна воспитать в сыне истинные мужские качества. Доверьтесь своим инстинктам. «Матери-одиночки», — го-

ворит он, — могут, я уверен, многое нам рассказать о мальчиках и о мужественности».

Главная причина, по которой мы должны пересмотреть подход к воспитанию сыновей, — то, что слишком много мальчиков и мужчин сейчас страдают, они в опасности, как мы уже говорили в начале статьи. И если этой причины недостаточно, давайте напоследок обратимся к четырем важным высказываниям, произнесенным и мужчинами, и женщинами.

«Мы живем во взаимозависимом мире, где даже самые лучшие руководители предприятий, самые деятельные, мудрые и талантливые мужчины тонут или с трудом выплывают в море отношений с другими людьми. Кроме того, мы живем в мире, где можно с легкостью и быстротой преодолевать любые расстояния — и с еще большей легкостью общаться через эти расстояния. Поэтому уже нет нужды готовить наших мальчиков (да и не только их, любых граждан) к долгим,

опасным путешествиям, которые они должны преодолевать в одиночку. Пришло время сломать архаичные мужские стереотипы: «одиноким воинам», «искателю приключений», «бесстрашному сорвиголоу» — и осознать, чего в действительности мы хотим от наших мальчишек и мужчин. Я бы сказал, что для большинства людей нормальный, здоровый мужчина — тот, кто хорошо работает, занимается спортом, умеет строить отношения, умеет менять пеленки. Мы хотим, чтобы наши мальчики вырастали сильными, цельными личностями, способными и на героизм, и на любовь, и на теплые, устойчивые, доверительные отношения с супругами, детьми, родителями, сослуживцами, соседями и друзьями».

Уильям Поллак

«Я думала, что всему виной западная культура — индивидуалистическая, эгоистическая, с ее жесткой конкуренцией. Но международные исследования показывают, что в нашей стране все эти проявления просто «зашкаливают» — нигде нет такого индивидуализма, такого соперничества. По сути, в наших мужчинах мы продолжаем видеть солдафонов — как на поле боя, так и на работе, и в обычной жизни. Но разве от солдафона можно ждать сочувствия, умения слушать, заботливости, понимания? На мой взгляд, в условиях экономических и экологических сдвигов эта этика индивидуализма начинает постепенно отмирать. И я надеюсь, что на смену ей придет новая философия».

Джудит Джордан

«В наш ядерный, глобальный век, с его всеобъемлющими взаимосвязями, необходимостью сосуществования разных мировоззрений, на первый план выходит вопрос выживания. И сегодня эта проблема стоит гораздо острее, чем 3 тысячи лет назад. Разные силы в мире двигают нас к необходимости перемен».

Джанет Сюррей

«Мужчины и женщины сталкиваются с насилием, которое мешает нормальным здоровым отношениям. Но свободная созидательная энергия полов обладает колоссальной силой, она способна решать все проблемы и конфликты. Мне кажется, что высвобождение этой созидательной энергии — верный путь к целостности и гармонии всего мира. Хватит делить мир на «себя» и «других» — пора перейти от отчужденности к общности, как отдельных людей, так и всего мира».

Стивен Бергман.

Оля Черенцова

Я МЕНЯЛАСЬ ВМЕСТЕ С НИМ

Оля Черенцова выросла в Москве, вышла замуж за американца и уехала в США в 1981 году в 30 лет. Она художница и живет в Техасе.

Когда Крис лежал у меня на руках беспомощным, только что родившимся младенцем и смотрел на меня удивительно понимающими глазами, мы оба прекрасно сознавали, что связаны на всю жизнь перерезанной врачом пуповиной. И также понимала я, что нуждалась в нем не меньше, чем он во мне. Его рост был одновременно и моим развитием.

Партнерство всегда казалось мне немаловажным фактором в отношениях между родителями и детьми, и наш с ним союз я строила не только по принципу «мать и сын». Мои методы воспитания и то, что я вкладывала в него, отражали не только мою веру в дружбу между матерью и сыном, но также и мое желание осуществить то, чего я во многом была лишена в детстве и что, с моей точки зрения, необходимо для созревания ребенка.

Настроения наших детей часто отражают наши собственные. Они мгновенно улавливают малейшее раздражение, любую перемену в нас, и от неуверенности еще в себе принимают это за недовольство ими. У ребенка естественная потребность знать, что он любим; в этом он черпает поддержку, обретает себя. Как говорил мне не раз с горечью Крис в минуты обоюдных всплесков: «Все, что я хочу знать, — это любишь ли ты меня». В вере в любовь матери мальчики нуждаются ничуть не меньше, чем девочки, несмотря на стереотипное представление многих, что настоящий мужчина не должен выражать своих чувств. На протяжении всех лет жизни с Крисом я учила его, что сила мужчины не в замкнутости и отчуждении от близких, а в смелости раскрыться, в знании себя. Когда мы из гордости закрываемся от всех, пряча наши слабости и боль, мы создаем иллюзорное убеждение в том, что сильны. Твердость характера и воля не в подавлении чувств и нежелании их выразить, а в самораскрытии, в умении понять других. Крис никогда не стеснялся нашей с ним дружбы и не прятал привязанности ко мне в присутствии своих друзей. Даже сейчас, когда он становится подростком и под влиянием переходного периода слегка смущается проявлять откровенные чувства на людях, он так же нежен и заботлив, когда мы вдвоем.

Стремление к самостоятельности в Крисе прочитывалось еще в довольно раннем возрасте, в чем я его всегда поддерживала. Хотя при этом я старалась, памятуя мой прошлый опыт и сохраняя нашу с ним глубокую эмоциональную связь, не закабалить его неосознанно зависимость от моего мнения, что бывает следствием любых крепких отношений. Нередко родители выстраивают судьбу своих детей, руководствуясь желанием слепить их по своему образу и подобию, и не учитывают их собственных стремлений и целей, что ведет к давлению, когда дело касается выбора профессии, друзей, любимых и пр. Мы часто взращиваем в детях то, что хотели бы видеть в себе, и подчас взваливаем на них непосильные задачи. Как-то Крис сказал мне: «Ты хочешь, чтобы я был совершенным, а это невозможно. Я, как и ты, всегда буду делать ошибки». Я всегда избегала требовать от него слишком многого и постоянно помогала во всех начинаниях, даже если шли они в чем-то в противовес моим желаниям, поскольку знала, как важен был для него личный выбор. В умении принять правильное решение и раскопать свое «я» и есть освобождение от комплексов, ко-

торыми опутаны с детства и с которыми нам приходится бороться всю жизнь.

Когда я росла, моя мама советовала мне все анализировать, как бы беседовать со «второй Олей», что было необычно смело с учетом условий общества, в котором мы все жили в то время. Большинство из нас пребывали в полной слепоте, себя не зная, не понимая и не пытаясь понять. И хотя русская литература, философия всегда призывали к самоанализу, о чем немало писали Николай Бердяев, Достоевский и другие, многие подсознательно от этого бежали, действуя по принципу, что правды лучше не знать, создавая этим конфликт внутри себя самих и со своими детьми, которые позже, вырастая, повторяли те же ошибки. Незнание себя порождает немало иллюзий и стереотипных представлений, которые принимаются за норму и которым часто бездумно следуют из-за неспособности принять собственное решение. Мамин совет мне очень пригодился в жизни и в воспитании Криса. Способность к самоанализу в нем проснулась рано, и он часто поражал замечаниями, не по возрасту глубокими. Даже в наших стычках, когда мы заходили в тупик, он, принимая на себя роль взрослого, помогал нам обоими разрешить ссору с достоинством и, к моему смущению, вел себя в чем-то разумнее, чем я. Хотя также ушло немало усилий на то, чтобы объяснить ему разницу между твердостью и упрямством, чему я учила себя многие годы.

Воспитание — это не только борьба родителей с ребенком, но и борьба ребенка с самим собой. Вся сложность конфликта родителей с детьми проистекает из комплекса взаимосвязи полов — союза отца с сыном, т.е. союза двух мужчин, и союза матери с сыном, т.е. союза мужчины и женщины. Отношения Криса с Кайлом, его папой, во многом противоположны отношениям со мной. Связь наша всегда была более эмоциональной и интуитивной. Характерами мы очень похожи, и распознавание себя друг в друге сблизило нас особенно. Контакт у Криса с Кайлом, помимо обоюдной любви, скорее идет на уровне интеллекта; они более сдержанны в выражении чувств друг к другу, что всегда было присуще всей семье Кайла. От мужа моего Крис также перенял осторожность, осмотрительность, интерес к знаниям в той же степени, как от меня — любовь к искусству, т.е. впитал он генетически и по собственному выбору совокупность сильных и слабых сторон характера своих родителей, которые наиболее гармонично вписывались в его натуру.

С воспитанием Криса одновременно менялись мои столь прочные, казалось бы, в прошлом взгляды на многие вещи; и то, чем я раньше не интересовалась, с его ростом становилось естественной частью нашей жизни, как, например, увлечение спортом. В последние годы под воздействием Криса я незаметно в себя втянулась, убедившись лишним раз, что дети влияют на нас не меньше, чем мы на них. Желание Криса заниматься спортом я всегда одобряла не из-за бытующего мнения, что мужчине необходимо быть атлетом, а потому что, давно взяла за правило поддерживать все его стремления и также потому, что считаю, что хорошая физическая форма — залог здоровья, и не раз мы обсуждали с ним, как мы обычно делаем, что спорт, несмотря на приносимую пользу, не должен превращаться в единственную цель и тормозить духовное развитие.

И хотелось бы мне закончить словами, что нет большего удовлетворения, чем видеть своих детей благополучными, как следствие того, что было в них вложено, в той же степени, как нет ничего более тяжелого, чем наблюдать их неспособность в результате совершенных нами ошибок.

Колетт Шульман

МАТЕРИ О СЫНОВЬЯХ

Каково это — растить сыновей? Самый лучший способ узнать об этом — поговорить с матерями. Одна из них живет в Бруклине, в Нью-Йорке, а другая — по соседству со мной в Коннектикуте. И у каждой — по три сына.

Даже если бы я не знала, что в соседнем доме живут мальчишки, догадаться было бы не трудно. Из-за ограды, разделяющей наши участки, то и дело доносятся звонкие крики, шум и возня. Особенно пронзительный голосок у пятилетнего Джека: только его и слышишь, когда с восьмилетним братом Энди они устраивают гонки среди деревьев, взбираются на старые каменные ограды и в поисках рыбы обшаривают ручей. Младший братишка Роберт пока не участвует в забавах: ему всего полгода.

Кэролайн и Эрик Холаб приехали в Коннектикут из Техаса два года назад. Эрик работает в финансовом отделе компании Ай-Би-Эм, целыми днями он на службе, и каждый рабочий день продлевает долгий путь в офис и обратно. А Кэролайн — мама и домохозяйка «на полной ставке». Она считает, что сделала правильный выбор: когда на руках трое мальчишек, мать должна посвятить себя дому. Однажды тихим утром, когда старшие мальчишки были в школе и садике, а младший дремал, за чашечкой кофе я спросила Кэролайн: какие различия она подмечает в характере и темпераменте своих сыновей? «У Энди, — сказала она, — типичные качества первенца. Он старается всегда идти навстречу, поступать правильно, сознательно и ответственно. Я никогда не задумывалась о порядке рождения и его влиянии на характер, но потом прочитала об этом и поняла, что так и есть. Мы с Эриком оба первенцы, и у нас много общих черт: мы консервативны, не импульсивны, всегда обдумываем свои будущие действия. И Энди в этом плане похож на нас. Джек — абсолютно другой. Например, смотрит на старшего брата и хочет делать то же самое, что и он. Забывает, что по возрасту просто физически пока не способен «догнать» брата. Для Джека это каждый раз огромное разочарование. Мама, жалуется он, ну почему я не могу играть в баскетбол так же здорово, как Энди?»

Как соседка и сторонняя наблюдательница, должна сказать, что Джек — самый подвижный, любопытный и живой мальчишка из всех, кого я встречала за долгие годы. Он постоянно открывает для себя что-то новое, тут же испытывает это на себе, и любит бросать вызов авторитетам. «Если я говорю Энди «нельзя», он слушается, — рассказывает Кэролайн, — а Джек — ноль внимания! Я как бы провожу для него запретную черту, а он как бы ставит на нее ногу и спрашивает: «Ну и что ты будешь делать дальше?»

Я с большим интересом буду следить, как растет и развивается Джек. Мне кажется, что неумная энергия, инициативность и смелость потенциально способны сделать только он научится хотя бы немного сидеть смирно. Это большая проблема для пяти-шестилетних мальчишек, особенно сейчас, когда многие родители ратуют за раннее начальное образование. Кэролайн согласна, что у Джека могут возникнуть трудности с переходом из садика в школу. Мальчику, который привык постоянно быть в движении, нелегко перейти от свободной садовой обстановки к более жесткой школьной. Вот почему сейчас активно обсуждается вопрос о том, что начальное обучение стоит проводить в игровой форме, в движении, чтобы задействовать моторную систему ребенка.

Я спросила у Кэролайн, как различаются ее сыновья по выражению своих чувств. «Энди, — ответила она, — делится со мной всем, что у него на душе. Конечно, не рассказывает все прямо с порога, но к вечеру я уже полностью осведомлена о том, что произошло у него за день. А из Джека приходится все просто клещами вытягивать. Он сам пока толком не умеет распознавать собственные чувства. Так что приходится говорить ему: «Джек, кажется, тебя что-то рассердило» или «Похоже, ты сегодня грустишь». Или, когда он буйствует во дворе, спрашиваю его тихонько: «Джек, ты

расстроен, скажи, в чем дело?». В поисках путей помочь Джеку Кэролайн обнаружила, что он очень чутко отзывается на тактильное выражение любви. Для него важны ласковые прикосновения — не просто, когда мама целует или обнимает, а когда гладит по спине или берет за руку, в то время как он пробегает мимо. Словом, любой физический контакт, самый незамысловатый жест, которым ты как бы говоришь: «Я люблю тебя и думаю о тебе». Кэролайн милая, мягкая женщина, тип красавицы южанки, особый шарм ее голоса придает легкий южный акцент. И она чисто интуитивно поняла, что необходимо Джеку. Но, кроме того, читала книгу на эту тему: «Пять детских языков любви». По книге, эти «языки» — 1) физическое прикосновение, 2) ласковые слова (одобрения, гордости, восхищения, помогающие или направляющие), 3) подарки (идущие от сердца, не «взятки» и не «поощрительные призы»), 4) «полезное» время (время, которое вы проводите вдвоем с ребенком за каким-то поглощающим вас обоим занятием) и 5) деятельность на благо других и друг друга. В книге объяснено, что у каждого ребенка доминирует один из этих языков любви. Для Энди, считает Кэролайн, важнее всего «полезное» время, например когда они с сыном просто сидят в одной комнате и читают каждый свою книжку.

Я спросила, не руководствуется ли она в воспитании сыновей какой-то определенной методикой Кэролайн рассказала мне, что в университете как раз занималась этой темой. Но со многими своими профессорами не согласна. В то время господствовала теория, что ребенка ни в чем нельзя подавлять — то есть надо позволять им открыто высказывать мнения, пусть даже нелицеприятные, не сдерживать гнев и другие отрицательные эмоции. «Помоему, это неправильно, — говорит Кэролайн. — Я думаю, что дети должны понимать, что можно говорить родителям и другим людям, а что нельзя. И мне было непонятно показать им эти границы, не ущемляя их индивидуальности. Самое важное — научить детей уважать других. Это одна из главных жизненных ценностей. Даже во втором классе мальчишки порой приносят домой ужасные выражения, злословят, перемывают косточки очередному школьному «козлу отпущения». В таких случаях я всегда говорю Энди: «Я запрещаю тебе так себя вести». К каждому из мальчишек нужны особые подходы, особые дисциплинарные меры. Какие именно — понять не так уж просто, для меня это целое испытание. Но Энди, например, в качестве наказания я не разрешаю смотреть телевизор или отправляю сидеть в его комнату — он этого не любит. А Джека иногда приходится отшлепать! Конечно, здесь надо быть осторожнее, да и общество сейчас не приемлет физических наказаний. Но это именно то, что нужно Джеку: ему гораздо легче пережить шлепок, а потом помириться, чем сидеть взаперти в своей комнате, что было бы для него настоящей пыткой».

Семья Холаб принадлежит к небольшой южно-баптистской конгрегации. Так уж случилось, что в боль-

шинстве семей прихожан тоже растут мальчики. Религия очень важна для Холабов: каждое воскресное утро они посещают службу, а потом мальчики участвуют в специально разработанной для детей программе. Читают библейские стихи, занимаются общественно-полезными делами — например, пишут поздравительные открытки и относят их в больницу. «Вера помогает нам видеть общую картину мира с его историческими выработанными ценностями», — говорит Кэролайн. — Модные теории приходят и уходят, а библейские заповеди незыблемы, они верны и проверены временем. Конечно, сегодня мы знаем о мальчиках и девочках гораздо больше, чем в древности. Но это не значит, что мы должны впадать в крайности и игнорировать то, что «работало веками».

Наш разговор прервало пробуждение Роберта. Стараясь сфокусировать сонные глазки, он одалжил меня безмятежной улыбкой и прижался к маме. Чудесный маленький мальчик с легким, солнечным характером... Кэролайн считает, что по своему складу он ближе к Энди, старшему из братьев.

Ну что еще можно добавить? Нам повезло с соседями!

Робин Харрис — афро-американка из Бруклина. У нее трое сыновей: двенадцатилетний Дрексель и девятилетние близнецы — Йен и Джейсон. Робин — близкая подруга одной моей приятельницы. Лично мы с ней не встречались, но долго и душевно беседовали по телефону.

С двадцати до тридцати лет Робин работала в компании по производству вин «Сигрэм». За время работы она приобрела квалификацию опытного дегустатора, а потом получила должность в администрации фирмы. Когда она забеременела близнецами, офис компании переехал в другой район, и Робин решила посвятить себя семье, что она и делает вот уже десять лет. Себя она называет «исполнительным директором семьи Харрис». Ее муж — юрист корпорации, он приходит домой поздно, но выходные всегда проводит с сыновьями.

Сыновья Робин все очень разные. У старшего, Дрекселя, академический склад ума. Что касается близнецов, то Йен — чувствительный и эмоциональный, а Джейсон — «художественная личность». Он любит танцевать, мастерить красивые вещицы или как-то иначе выражать свои творческие наклонности. Все трое ходят в очень хорошую публичную школу в Бруклине, которую посещает всего 300 детей, из них 60 процентов белые, 10 — афро-американцы, а остальные — латиноамериканцы, азиаты и так далее.

Во взглядах на воспитание Робин и ее муж сходятся, что она считает большой удачей. В детстве, лет до пяти, ее часто подвергали физическим наказаниям, и ее собственные мальчики тоже выросли не без шлепков. Но сейчас Робин с мужем от этого отказались, теперь главное «орудие» воспитания для них — разговор. Разговаривают с детьми они очень много. Даже по утрам, когда все спешат на работу и в школу и по радио передают об очередном страшном инциденте, Робин с мужем обязательно обсуждают это с ребятами. «Мы говорим своим мальчикам, — рассказывает она, — если вы сделаете что-то нехорошее, скажите нам. Помните: мы вас любим и будем любить всегда, несмотря ни на что».

Робин не считает, что мальчики слишком рано «отделились» от мамы. Такой проблемы, по ее мнению, в их семье не существует. «Я провожу с ними достаточно времени, — говорит она. — Но в нашей семье нет такой установки, что мама сидит дома, а папа ходит на работу. Родительские обязанности мы с мужем делим пополам.

Муж, как и я сама, занимается общественной работой, кроме того, рано или поздно я вернусь на службу. И мы всегда привлекаем мальчиков к работе по дому. Объясняем им, что мы — семья и должны работать вместе, в команде. У нас твердые моральные принципы. Мы очень близки с моими родителями и родителями мужа, часто собираемся вместе, празднуем традиционные афро-американские праздники, соблюдаем традиции. И, конечно, мы очень религиозны» (правда, сейчас Харрисы реже ходят в церковь, потому что Робин не очень нравится новый священник их прихода).

Осенью Дрексель пойдет в частную школу в Манхэттене. Летом он ходил на подготовительные курсы, чтобы приобрести недостающие навыки, после чего вместе с

родителями они выбрали новое место обучения. «Мы не хотели, чтобы он попал в школу с жесткой конкуренцией или учился среди богатых, которые на выходные летают кататься на лыжах. В школе, в которую он пойдет, учатся дети из семей с самым разным достатком, и примерно треть учеников получает финансовую помощь».

Робин готовит Дрекселя к тому, как правильно себя вести, если на улице его остановит полицейский. Это нередко происходит с черными подростками, которые часто становятся и участниками, и жертвами преступлений

и в огромном количестве попадают в тюрьмы. Если полицейский почувствует угрозу, он может вытащить оружие, применить силу или даже начать стрельбу. Робин учит своих детей не вступать в конфликты с полицией, не делать резких движений, да и любых движений, которые могут заставить офицера занять оборонительную позицию. Например, прежде чем опускать руку в карман, надо сказать: «Офицер, я хочу достать из заднего кармана удостоверение личности». А если дело происходит в машине — «Я открываю бардачок, чтобы достать права». (Черных водителей часто останавливают по незначительным поводам, например из-за разбитой фары). «Я не хочу пугать моих сыновей, — говорит Робин, — просто готовлю их к реальной жизни, где всегда надо быть начеку. Когда я была девочкой, полицейские считались столпами общества, и мы, дети, чуть ли не обожествляли их. Но сейчас мир изменился, и на улицах мы видим совсем другую картину». Как пример Робин рассказала историю про свою племянницу. Вместе с подружками она пошла в магазин и была среди них единственная черная. Продавцы прямо-таки буравили ее подозрительными взглядами, хотя стащить какую-то мелочь может как черная, так и белая девочка.

Близнецы Робин, по всей вероятности, останутся в государственной школе. Джейсон сам готовит домашние задания и, с некоторыми перерывами, заканчивает эту работу к десяти вечера. Йена приходится заставлять усаживаться за занятия. Но, по словам мамы, он «типичный лидер, гораздо лучше говорит, чем пишет, очень заботливый, всегда вступает за маленьких, утешает малышей, если они плачут или обижены».

Харрисы принадлежат к сообществу черных семей «Джек и Джилл», организованному еще в те времена, когда чернокожим нельзя было посещать клубы. Семьи собираются не просто чтобы пообщаться: они разрабатывают общественные проекты, организуют фонды в поддержку Афро-Американских групп и добрых начинаний.

Глядя на милые лица братьев Харрис на фото и слушая слова их матери, я поняла: Робин проделала огромную и очень важную работу по воспитанию детей — с помощью своего мужа, конечно.

Елена Чакириди

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Так уж получилось, что работаю я далеко от дома. Чего только не наслушаешься в полном автобусе, идущем до метро целых полчаса! Тут и разные судьбы, и очень полезные советы, и свежие новости и слухи — а в общем, сермяжная правда о жизни простого человека, которая просто исчезла с экрана телевизора, где Бэтмен, Рэмбо, Терминатор, полицейские, вампиры оспаривают монополию на всех каналах, соревнуясь при этом с современными ужасами «Криминала», «Дорожного патруля», «Самых громких преступлений века» и множеством игр, демонстрирующих нашу тупость, глупость и пошлость. Фильмы «про жизнь» уже не снимают, т.к. в понятии режиссеров жизнь вся перешла на рэкет, борьбу за власть, заказные убийства и т.п. Иногда, правда, радио где-то пискнет некоторой достоверностью, да и то ретивые журналисты постышат выдать жареный фактик, фальсифицированный своей непроверенностью, который потом дорого обходится нашей дипломатии на ближнем зарубежье. В общем, аналитический взгляд на современную жизнь народа в автобусе — повторю: «народа», а не правительства — я предпочитаю аналитическим передачам Киселева и Шендеровича. Тут взгляд на жизнь ничем не замутненный: ни влиянием босса, владельца СМИ, ни боязнью влиятельного оппонента, здесь за вольнодумства ни уволят в одночасье, как усатого Шахрая, не обольют минералкой. В худшем случае покроют матом, да таким родным, что и возразить-то нечем. Уж очень доказательно.

Вот в таком автобусе разговор двух женщин заставил меня задуматься.

Разговор шел о взрослых детях, имеющих свои семьи. Разница была только в том, что у одной была дочь, а у другой — сын. Каждая из них была недовольна семейными отношениями своих детей. Общее было у них и то, что обе воспитывали своих детей одни, без мужей, и досталось им это тяжело. И теперь за эту тяжелую жизнь, за эти годы лишений каких-то своих радостей они хотели хотя бы маленькой компенсации от своих детей. По инерции, а может быть, потому, что своей личной жизнью у них стала жизнь их детей, они продолжали часто ездить в семьи детей, стирать там, убирать, готовить, возить продукты, пытались воспитывать внуков и продолжали жить интересами своих взрослых самостоятельных детей. В общем, стереотип неполных семей. В своей беседе они выплескивали недовольство снохой и зятем. У так называемой тещи набор претензий к зятю был прост как апельсин: пьет, бьет, денег не дает, в мелочи она не вдалась. Банальна была и «свекровь»: невестка не такая, какая нужна ее замечательному сыну, заставляет ходить в магазин, на родительские собрания, а тут что удумала — сын усталый с работы пришел, а она ему и говорит: я тоже работала и устала, сегодня и ты можешь один раз ужин приготовить. Хорошо, что я там была.

К концу пути разговор обострился, и единодушие в критике детей распалось само собой. Слышны были отдельные упреки: «Вот потому, что вы так понимаете роль своего сына в семье, потому мой зять дома вообще ничего не делает!» «А почему все должна делать женщина, если она тоже работает?»

Вот в связи с этими высказываниями вспомнила я свою близкую институтскую подругу, красавицу Валентину, которую муж сменил на более молодую иногороднюю жену, когда сыну исполнилось 12 лет. Что чувствовал ребенок, понять было невозможно: чувства и эмоции, которые захлестнули ее, не дали возможность присмотреться к маленькому человечку, к его переживаниям.

С моей точки зрения, отцом он был очень средним. Джентльменский набор — пил, курил, гулял — присутствовал полностью.

Прощалось ему все.

Ее мать всю жизнь прожила без мужа, втихую осуждавшая мужа дочери за пьянство и гульбу, в открытую пресмыкалась перед зятем, бегала ему за пивом в магазин и всячески старалась угодить ему, вставала на его сторону в минуты перепалки, а после развода бросилась служить новому мужскому идолу — внуку.

Вовочка-младший рос избалованным, закормленным, необремененным никаким занятием мальчиком. Леность ума и полное отсутствие желания заниматься какими-либо науками привели к тому, что, поступив в институт после армии без экзаменов на рабфак, он бросил учебу. Не получалось у него и с работой до тех пор, пока не поступил в охрану какого-то офиса, где совсем неплохо платят и можно ничего не делать и ни о чем не думать.

По мнению мамы и бабушки, ни одна девушка не подходила Вовочке. В мечтах бабушки жена у Вовочки должна быть женщиной хозяйственной, которая бы хорошо Вову кормила, одевала и обо всем думала сама. Мечта Валентины — розовая наивная девушка, которая бы заставила сына учиться, читать и ходить в театры. Вовочка предпочитал женщин попроще и сразу «в постель». Поэтому первая его жена имела отличные формы, щеки — кровь с молоком и недолгую жизненную хватку. Прожила она с ним не более года, загуляла и бросила Вову к вящему удовольствию обеих женщин, благо детей не было.

К домашнему труду его просто не приучили. Зачем мыть за собой посуду или стирать носки, когда две женщины в семье?

Интересно, что и бабушка, и мать, рассказывая про своих мужей, были едины и укоряли их за то, что те не делали элементарных дел по дому.

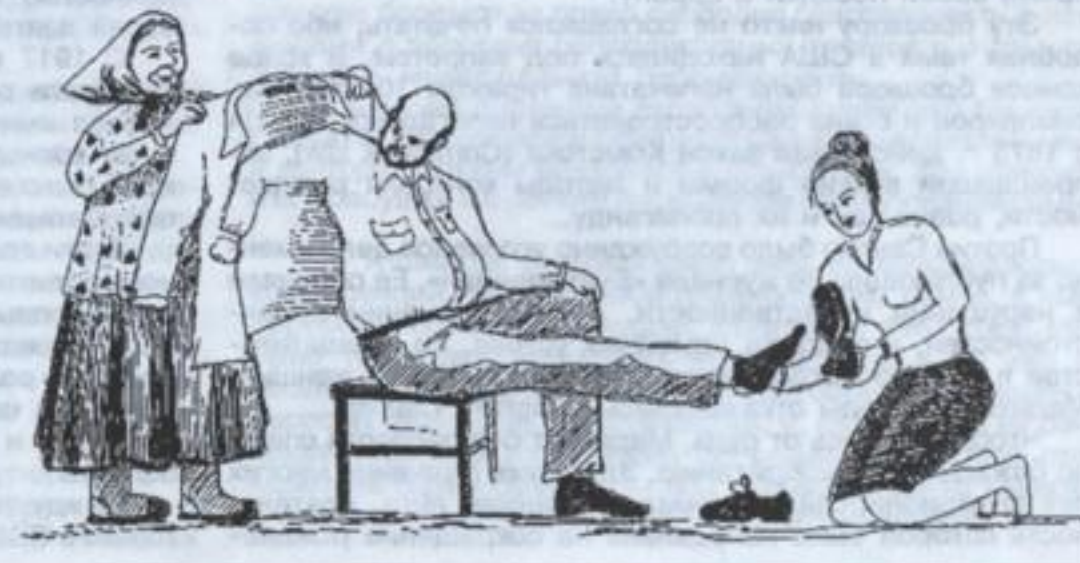
Быт наш — дело тяжелое, и не должно быть зазорным для мужчины вымыть пол или приготовить обед. А заложить эти понятия о совместном ведении быта должна мать, тем более, если она живет и воспитывает своего сына одна. Глядишь, и уйдут из нашего обихода слова про злую свекровь, а мужчины наши несколько и будут уважать своих жен за их нелегкую вторую смену на кухне.

Проблема воспитания сына матерью в неполной семье далеко не проста и не однозначна. Здесь может быть и чрезмерное обожание объекта воспитания, обусловленное нерастраченной любовью, или перенос ненависти к мужу на сына и весь род мужской.

Самое печальное, что неполная семья может смоделировать следующую неполную семью, тем более что количество неполных семей неуклонно растет, хотя ценность полной семьи и потребность в ней признается всем миром.

Проторчав в пробках, к метро «Киевская» мы приползли через 45 минут. Широкоплечий красавец лет так сорока с улыбкой взял сумки у моей попутчицы под кодовым названием «свекровь». «Мама, ну разве можно такие тяжести носить в вашем возрасте. Мы уж вас заждались. Ирина пироги напекла». «Теща» устало вздохнула и потащила свои тяжелые сумки к метро.

Москва

О.Б.Осколкова,

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра народонаселения
экономического факультета МГУ**МАРГАРЕТ САНГЕР:
У ИСТОКОВ ДВИЖЕНИЯ
ЗА КОНТРОЛЬ РОЖДАЕМОСТИ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ**

В 1879 г. в семье резчика по камню родился шестой ребенок. Это была девочка, которую назвали Маргарет. Мать после нее родила еще пятерых детей. Частые роды подорвали ее здоровье, и, когда ей исполнилось 48 лет, дети осиротели.

Материальное положение семьи было не блестящим. У отца были хорошие руки, но независимый и свободолюбивый характер ирландца. Он не очень ладил с католической церковью, от которой, собственно, зависел: церковь заказывала ему изображения ангелов и святых, которых он высекал из камня. В двадцать один год Маргарет вышла замуж за архитектора Уильяма Сангера. Она родила ему троих детей за семь лет замужества.

Свою трудовую жизнь Маргарет начала еще до замужества, в одной из нью-йоркских больниц для малоимущих. Здесь она становится свидетельницей тяжелых условий жизни женщин из бедных семей. Непосильный труд, частые роды, большое число детей нередко вынуждали их прибегать к подпольным абортам. Аборты заканчивались гибелью многих женщин, обрекали на сиротство их детей.

И в 1912 г. Маргарет Сангер принимает решение посвятить свою жизнь распространению среди женщин необходимых знаний о предотвращении нежелательной беременности и родов, о праве самих женщин контролировать свою репродуктивную функцию. Это являлось, по мнению Сангер, важнейшей социальной проблемой, одним из свидетельств женского равноправия, способствовало благополучию семей и сохранению здоровья женщин.

Сначала Маргарет засела за книги, чтобы почерпнуть из них сведения о противозачаточных средствах. Но эта тематика отсутствовала в американской медицинской литературе тех лет. Перерыв все библиотеки США и убедившись, что в них нет необходимой информации, Сангер поехала за знаниями. В Европе она обнаружила, что в Великобритании, Нидерландах, Франции опубликован уже ряд книг, брошюр, статей, в которых содержались сведения, позволяющие женщинам самим регулировать деторождение. (Дело в том, что в этих странах под влиянием идей Мальтуса еще в последней трети XIX в. были отмечены первые общественные движения за распространение знаний и методов контрацепции как важной социальной меры.)

В 1914 г. М.Сангер публикует брошюру «Ограничение размеров семьи» (Family limitation), в которой приводит все известные ей практические советы и средства предотвращения от беременности, которые она почерпнула во время своей поездки в Европу.

Эту брошюру никто не соглашался печатать, ибо подобная тема в США находилась под запретом. В конце концов брошюра была напечатана тиражом 100 тыс. экземпляров и стала распространяться нелегально. В США с 1873 г. действовал закон Комстока (Comstock law), запрещавший всякие формы и методы контроля рождаемости, равно как и их пропаганду...

Против Сангер было возбуждено уголовное дело именно за публикацию ее журнала «Бунт женщин». Ее обвиняли в нарушении нравственности, распространении непристойностей, в подрыве семейных устоев, во вмешательстве в данную Богом репродуктивную функцию женщин. Медики в те годы отказывались помогать Сангер.

Чтобы спастись от суда, Маргарет без паспорта спешно бежала в Великобританию. Здесь уже в течение многих лет функционировала неомальтузианская лига, деятельность которой была направлена на сокращение рождае-

мости среди широких масс. Лига занималась обучением образованных людей методам предохранения от беременности, с тем чтобы они несли свои знания трудящимся женщинам. Здесь Сангер совершенствовала свои знания о средствах женской контрацепции.

В 1915 г. Сангер возвращается в США и узнает, что ее муж в тюрьме (плохо воспитывает свою жену!). Между тем смелая женщина начинает в Нью-Йорке на собственные средства выпускать журнал «Бунт женщин» (Women's rebel), в котором публикует информацию о контрацептивах. Журнал был вскоре запрещен. Именно в этот период М.Сангер вводит в оборот термин «контроль рождаемости», который впоследствии стали употреблять во всем мире. О контроле рождаемости все шире начинают дискутировать в медицинских и общественных кругах, в журналах и газетах, на собраниях медиков.

В 1916 г. Сангер открывает в Нью-Йорке первую в стране клинику, куда ежедневно приходило сотни людей. По подстрекательству властей клиника подвергается разгрому в связи с подозрением, что в ней делают нелегальные аборты, хотя это не соответствовало действительности. Сангер и ее двух помощниц арестовывают, обвинив в нарушении общественного порядка, 1142-й статьи Уголовного кодекса, запрещающий распространение информации о предупреждении беременности.

Маргарет Сангер до суда выпускают из тюрьмы под залог в 500 долларов, а ее сестру, помогавшую ей в клинике, осуждают к 30 дням тюремного заключения. Однако общественное мнение в стране уже на стороне Сангер, проводятся даже митинги протеста. Сестра Сангер объявляет голодовку. Ее освобождают, взяв слово с Маргарет, что сестра не будет заниматься запрещенной деятельностью. Затем происходит разбирательство дела самой Маргарет, и ее тоже приговаривают к тюремному заключению сроком на 30 дней. Она отсидивает срок полностью и отказывается дать слово о прекращении своей деятельности.

С 1917 по 1921 г. Сангер выпускает в США журнал «Контроль рождаемости» (Birth control review). Через год журнал имел уже 3000 подписчиков. Наряду с нарастающим волной сторонников контроля рождаемости у этой идеи было еще много противников, в первую очередь это официальные власти и церковь.

В эти годы в стране была основана Лига добровольного родительства во главе с М.Деннет. Лига обратилась к федеральным законодательным органам и конгрессу США с предложением пересмотреть закон, запрещающий контроль рождаемости. Однако усилия лиги в те годы не достигли цели. Общественные места, где выступали М.Сангер и М.Деннет, бойкотировали, людей разгоняла полиция.

Между тем интерес к деятельности М.Сангер рос не только в США, но и в других странах. Ее статьи и брошюры

переводились на многие языки, даже на японский и хиндустани. Великий индийский писатель Рабиндранат Тагор поддерживал деятельность Сангер и считал что ее идеи для Индии крайне необходимы. Ежедневно Сангер получала сотни писем и в свою очередь рассылала письма во все промышленные центры страны, заявляя о своем намерении создать в них клиники по контролю рождаемости. Она много ездила по стране с лекциями, которые, несмотря на большую успех, встречали сильную оппозицию, особенно католической церкви. В 1920 г. Сангер снова арестовывают, но под давлением общественного мнения вскоре освобождают.

В начале 20-х годов во многих странах мира тема предупреждения беременности уже не была под запретом. Более того — она вызвала интерес и поддержку научных и общественных кругов. Это относилось не только к Великобритании и Нидерландам, где знакомство с контрацепцией было давним, но ко многим другим странам мира — Германии, Японии, Китаю, Корее, Мексике. Эти страны Сангер посетила и выступала там с лекциями. Только в Японии она дала 500 интервью.

В конце 1921 г. в США создается Американская лига контроля рождаемости, президентом которой становится М.Сангер. Лига провела в марте 1925 г. в Нью-Йорке международную конференцию по проблемам неомальтузианства и контролю рождаемости. В ней приняли участие ученые из многих стран мира, в том числе медики, социологи, экономисты и среди последних — видный английский экономист Дж.М.Кейнс.

Конференция направила тогдашнему президенту США Кулиджу послание, в котором говорилось о взаимосвязи между неконтролируемой рождаемостью и социальными проблемами страны — бедностью, высокой материнской смертностью, рождением дефективных детей, преступностью, большими расходами государства на борьбу с этими явлениями — и содержалась призыв поддержать движение по ограничению нежелательных деторождений.

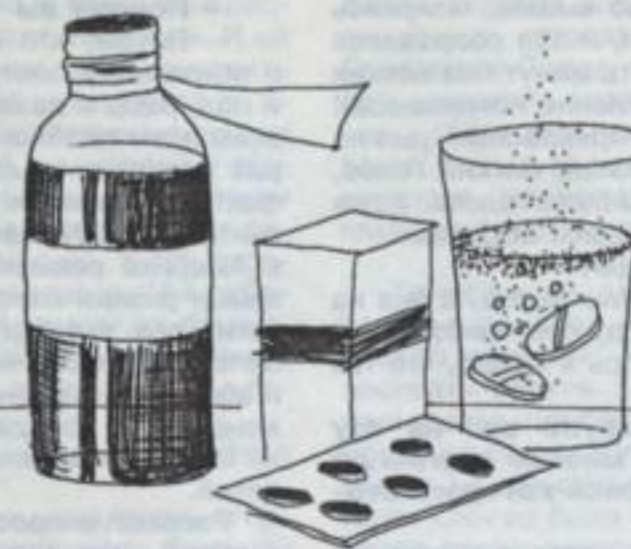
В том же 1925 г. в США было положено начало кампании по привлечению к обучению врачей, поддерживающих идею контроля рождаемости методом контрацепции. Общественное мнение страны в конце 20-х годов все больше стало осознавать важность контроля рождаемости для решения социальных проблем.

Тем не менее на клинику в Нью-Йорке католическая церковь вновь спровоцировала налет полиции, которая захватила все документы: книги учета, картотеку. Последовали допросы и шантаж женщин, особенно женщин-католичек, прибегавших к услугам клиники. Разгром клиники вызвал бурный протест общественности США, которая оценила эти действия как нарушение врачебной тайны. Снова состоялся чрезвычайно шумный судебный процесс. Сангер и ее сподвижники этот процесс выиграли. В решении суда говорилось, что в клинике работают известные врачи, которые имеют право давать инструкции о технике контрацепции пациентам с целью предотвращения или лечения болезней.

К 1930 г. специальные клиники уже функционировали во многих штатах; в крупных городах читались лекции, издавались книги, выходил ежемесячный журнал.

В начале 30-х годов кампания по легализации контрацептивной практики в США достигла кульминации. Протестантская церковь под давлением своей паствы признала моральную необходимость предотвращения или ограничения деторождения. С важностью контроля рождаемости согласилась также конференция американских раввинов. Методистская епископальная церковь и пресвитерианская церковь признали желательность ограничения деторождения по совету врача методом контрацепции.

Немаловажное значение имел опыт и других стран, во многих из которых побывала Маргарет Сангер и где она встречала радушный прием. Начата М.Сангер битва за

права женщин спустя 20 лет была выиграна.

Ряд стран опередил США в легализации, популяризации и изучении методов планирования семьи. (Кстати последний термин появился в Великобритании в 30-х годах, когда там создавалась первая в мире Ассоциация планирования семьи. Это понятие было синонимом термина введенного М.Сангер — контроль рождаемости.)

В 1942 г. М.Сангер была избрана почетным председателем Американской федерации планирования родительства. Умерла Сангер в 1966 г. в возрасте 87 лет.

Маргарет Сангер вошла в историю не только США, но и мира в целом как выдающийся борец за право женщин самим регулировать свою репродуктивную функцию, как мужественный пропагандист идеи планирования семьи, которая в сегодняшнем мире получила международное признание.

Источники:

1. Brockhaus Encyclopaedia: In 20 Bd.— Wiesbaden, 1968.— Bd 6. 835 S.
2. Encyclopaedia Britannica: A new survey of universal knowledge.— Chicago etc., 1963.— Vol. 7.— 1218 p.
3. Encyclopedia Americana: Intern ed.: Compl. In 30 Vol.— N.Y., 1968. Vol. 24.— 824 p.
4. International encyclopedia of social sciences.— N.Y., 1968.— Vol. 5.— 562 p.
5. Sanger M. My fight for birth control.—N.Y., 1931.— 360 p.
6. Pages Y. Le controle des naissances en France et a l'etranger.— Paris, 1971.— 323 p.

Беседу ведет Колетт Шульман

**АЛЕКС САНГЕР —
НАСЛЕДНИК ВЕЛИКОГО ДЕЛА**

Маргарет Сангер очень удивилась бы, узнай, что ее внук Алекс, которого она видела в последний раз еще подростком, посвятил себя делу ее жизни. Александр Сангер — президент нью-йоркской Ассоциации планирования семьи и Международного центра, носящего имя его знаменитой бабушки. «Она оставила после себя такой колоссальный след, который просто необходимо заполнить», — говорит он. — Я часто думаю, как ей было трудно, когда она открывала в 1916 году свою клинику в Бруклине. Тогда было невозможно даже обсуждать вопрос о контроле над рождаемостью. Но и спустя два поколения мы все еще боремся за право свободно разговаривать с женщинами о здоровье репродуктивных органов и о том, как избежать нежелательной беременности».

Я знаком с Алексом около пятнадцати лет. Прочитав статью О.Осколковой о Маргарет Сангер, я поехала к нему в контору, которая находится в Манхэттене. Мы говорили о его бабушке и о работе Ассоциации планирования семьи.

— Я слышал ее последнюю речь на международной конференции, посвященной планированию семьи, в нью-йоркской гостинице Уолдорф, кажется, в 1961 году. Мне было тогда лет тринадцать-четырнадцать, а ей уже за восемьдесят. В зале сидели знаменитости и очень важные персоны. Было много выступавших, и, признаться, их речи показались мне тогда очень скучными. Потом мой отец вывел на сцену бабушку — она отдыхала где-то наверху: к тому времени у нее было несколько инфарктов и еще

куча всяких болезней. Она медленно вышла, опираясь на руку отца, ее осветил огонь рампы, и зал разразился аплодисментами. Она говорила десять минут без всяких записок. Зал затаил дыхание. Впечатление потрясающее! Маргарет была невысокого роста; прекрасные рыжие волосы; свежий «ирландский» цвет лица, мягкий голос, всегда элегантно. И никогда не повышала голоса, даже если мы, ее внуки, вели себя не лучшим образом.

— Вы часто видели ее в те годы?

— Мы жили на северо-восток от Нью-Йорка, а она на юго-западе, в Аризоне. Раз два в году она приезжала к нам, и мы изредка навещали ее. Теперь я жалею, что так редко ее видел.

— Что в конечном итоге толкнуло вас на эту стезю? Вы, наверное, занимались многим другим до того, как отдали себя делу, у истоков которого стояла ваша бабушка?

— Да, это так. Бабушка умерла, когда я учился на втором курсе. Некролог оказался для меня откровением, отец многого не рассказывал мне о ней — не хотел или не мог. Моей специализацией в университете была американская история, и я решил воспользоваться открывшейся мне замечательной возможностью — изучить жизнь бабушки. Так я написал свою диссертацию. До меня никто не касался архивов бабушки после ее смерти — ящики с рукописями и документами еще только распаковывались и разбирались. Она хранила все: дневники, письма от отца, которые он писал ей еще ребенком, письма своих возлюбленных...

— Возлюбленных? Она разошлась с мужем?

— Да, а через несколько лет вышла замуж за богатого промышленника, который помогал ей финансировать движение за контроль над рождаемостью. Но именно первый муж, мой дед, ввел ее в радикальные политические круги. Знакомая с социальными и философскими аспектами проблемы рождаемости, она почувствовала вкус к политической борьбе. И постепенно пришла к мысли о необходимости создать движение в защиту планирования семьи. Дед был знаком со многими радикально мыслящими деятелями того времени. И на его долю выпала в высшей степени почетная обязанность: он отсидел в тюрьме раньше бабушки. Думаю, она так и не смогла простить ему, что он попал за решетку до нее. Это было переломное время. Бабушка жила в Англии в изгнании, федеральное правительство обвинило ее по девяти пунктам в подрыве нравственности: она издавала газету «Женский бунт». Дед дал один из ее памфлетов Энтони Комстоку, великому искоренителю пороков, за что и был препровожден в тюрьму. Это привело к трем знаменательным последствиям. Во-первых, дело приняло столь широкую огласку, что бабушка смогла вернуться в Америку. Во-вторых, во время суда Комсток простудился, слег с воспалением легких и спустя неделю скончался. И третье — четырехлетняя дочь бабушки, Эйджи, тоже заболела воспалением легких. И тоже умерла — через неделю после ее возвращения. Для бабушки это был страшный удар, она чувствовала себя такой виноватой. После этого жизнь ее круто перевернулась. Федеральное правительство сняло свои обвинения в нарушении нравственности — как можно сажать в тюрьму женщину, понесшую такую утрату!

— А сейчас вам доводится слышать имя вашей бабушки?

— Очень часто. Только вчера журнал «Тайм» и телеканал Си-би-эс опубликовали имена 20 самых влиятельных лиц XX века из списка ста лидеров. Среди них Теодор, Франклин и Элеонора Рузвельты, Уинстон Черчилль, Маргарет Сангер, Ганди, Папа Иоанн-Павел, Ленин, Михаил Горбачев, Лех Валенса, Маргарет Тэтчер. Как видите, бабушка принадлежит к самой избранной компании. В ней видят великую историческую личность, хотя и противоречивую, ведь люди в нашей стране еще не совсем ясно представляют себе, за что она выступала.

— Почему вы так думаете, Алекс?

— Потому что мы как нация и страна неоднородны и по-разному смотрим на секс и сексуальность, женщин и пол, расы и даже детей. У нас нет единого подхода ко всем этим проблемам, а деятельность моей бабушки как раз касалась самой их сути. У нас в стране мощным фактором является религия. В других странах официально считается верующими может гораздо больше людей, но в Америке религия — не формальное дело для людей самых разных конфессий. Протестанты крайнего консервативного толка и католики — серьезная политическая сила, а согласно их догмам контроль над рождаемостью и аборт — смертный грех. За этим стоит убеждение, что женщины — граждане второго сорта, что их место дома, их социальная роль — ухаживать за мужчинами и растить детей.

Расовый вопрос тоже причастен. Планирование семьи и аборт стали незаконными главным образом под влиянием волны ирландских иммигрантов в XIX веке. Врачи пошли на насилие, потому что на аборт и вообще на контроль над рождаемостью отваживались только медицинские сестры. Врачи хотели прекратить этот бизнес. Для моей бабушки это был самый трудный участок борьбы — надо было вовлечь врачей в битву за разрешение абортов.

У этой проблемы есть и политический аспект. Посвященная контролю над рождаемостью конференция, которой направил послание президент Кулидж — историческое свидетельство того, что республиканцы первыми повернулись к этой проблеме, обогнав демократов; правда, за последние пятьдесят лет эти партии не раз меняли свои позиции. Франклин Рузвельт опирался на конгрессменов-католиков и на городской электорат и не осмеливался взглянуть правде в лицо. Моя бабушка агитировала Элеонору Рузвельт, а уж та агитировала президента, чтобы он узаконил в стране планирование семьи. Но он неизменно отвечал: «Ничего не могу поделать. Меня вышвырнут из Белого дома». Так что контроль над рождаемостью так и не стал частью нового курса Рузвельта, к огорчению моей бабушки. Барри Голдуотер, консерватор допотопных взглядов («Государство, не лезь в частную жизнь»), был самым горячим сторонником бабушки. Совсем недавно, в прошлом году, он заявил: «Аборт — не ваше собачье дело, господа правители!» Вот уж точно — глас вопиющего в пустыне, то бишь среди республиканцев.

— Вы еще не ответили на мой вопрос: что вас побудило вступить на эту стезю?

— Я окончил юридический факультет и четырнадцать лет занимался юридической практикой, потом три года работал для фирм, производящих пластик. Но меня привели в ярость выступления Рональда Рейгана и Джорджа Буша против абортов и контроля над рождаемостью, их явное желание подорвать национальную программу планирования семьи. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, была их попытка заткнуть рот врачам, диктовать им, что они могут и чего не могут своим пациенткам об абортах. Я был тогда членом совета директоров Нью-Йоркского департамента планирования семьи. И когда исполнительный директор подал в отставку, я сказал совету: я готов взяться за эту работу. И совет не стал возражать.

— Каковы ваши цели и задачи?

— Хотя официально наша деятельность ограничена Нью-Йорком, но мы уже давно перешагнули рамки города и вышли на общенациональную и международную арену. Наши цели — развивать исследования в области противозачаточных средств и производства абортов, способствовать широкому внедрению способов планирования семьи и финансирования на нынешнем уровне медицинского обслуживания в нашей стране, где больший упор делается на сдерживание роста стоимости медпомощи, чем на развитие превентивного здравоохранения.

Мы все время ведем оборонительные бои в Конгрессе и в законодательном собрании штата в Олбани. И не смотря ни на что стараемся как можно шире внедрять программы сексуального просвещения школьников в городе и во всей стране. Мы пишем совершенно новые методики и знакомим с ними учителей, родителей и священников, чтобы они могли лучше доносить подросткам основы этого знания. А через ООН распространяем результаты наших исследований за границей, в тех странах, которые обращаются к нам за помощью. Мы работаем в шести-семи странах Южной Африки, на Филиппинах, в Монголии, Папуа — Новой Гвинее и планируем вместе с агентствами ООН охватить своей деятельностью среднеазиатские страны.

— Не хотите ли вы сказать что-нибудь конкретно для читательниц из России?

— Расскажу одну историю, которая меня очень огорчила. Наша клиника в Бруклине обслуживает большой

район, включая Брайтон Бич. В прошлом году у нас была пациентка, которая недавно эмигрировала из бывшего Советского Союза. Она обратилась в клинику, чтобы сделать двадцать четвертый аборт. Можете себе представить: аборт для нее — единственное средство планирования семьи! Мы не успели охватить ее своей системой контроля над рождаемостью. Иммигранты ставят перед нами огромную задачу.

Телефонный звонок прервал наш разговор. Алекс ведет очередное сражение с властями Олбани и всю вторую половину дня будет уговаривать депутатов голосовать против законопроекта, который лишает женщин права прибегать к аборту на последних месяцах беременности, когда имеются серьезные показания. Выйдя на залитую солнцем улицу, я подумала: да, Маргарет Сангер была бы очень удивлена, но еще больше — горда своим внуком.

ВТОРАЯ УКРАИНСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ГЕНДЕРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

В рамках программы летних университетов и программы поддержки высшего образования Института Открытого Общества Харьковский Центр Гендерных Исследований провел Вторую Украинскую Летнюю Школу под названием «Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках». Как и первая Летняя Школа, состоявшаяся в мае 1997 года, она прошла на южном побережье Крыма, в Форосе с 1 по 21 июня 1998 года.

Основу учебной программы Школы составляли лекционные курсы (50 часов) и семинары (30 часов) по феминистской теории, сравнительному феминизму, философии феминизма, феминистским культурным исследованиям и истории феминизма. Исходя из задач Школы и ее научной ориентации, основное внимание уделялось проблемам современных политик идентичности/различия и перспективам развития феминизма в странах бывшего СССР и Восточной Европы. Так как методологически Школа ориентирована на междисциплинарный анализ проблем современного феминизма в контексте ситуации постсовременности и различных отношений Восток-Запад, особое значение придавалось новым направлениям феминистской теории, исследованиям современных процессов глобального изменения, феминистским культурным исследованиям.

Западная феминистская теория была представлена в докладах американских профессоров: Ширли Сэмюэлс (Корнельский Университет), Татьяны Осипович (Левис-Кларк Колледж), Марианой Рубчак (Университет Вальпараисо), Мартой Богачевска-Хомяк (Университет Джона Хопкинса), канадских профессоров: Нэнси Мэнделл (Университет Йорк), Сюзан Эрлих (Университет Йорк), Михаила Рыклина (Институт Философии Российской Академии наук), Ирины Костиной (Московский Университет имени Ломоносова) и некоторых других.

Проблемы феминистских исследований в странах бывшего СССР и Восточной Европы обсуждались в докладах Ирины Жеребкиной (Харьковский Университет), Татьяны Герасимовой (Санкт-Петербургский Университет), Ирины Клециной (Санкт-Петербургский Педагогический Университет), Александры Клецина (Институт Социологии Российской Академии наук), Лилией Василюсkene (Вильнюсский Университет), Людмилы Смоляр (Одесская Пищевая Академия (Academy Of Nutrition Sciences)) и многих других.

Несомненной заслугой организаторов и участников школы стала дружелюбная и неформальная атмосфера обсуждения, установившаяся на семинарах и круглых столах. Вторая Украинская Летняя Школа стала несомненным вкладом в развитии гендерных/феминистских исследований благодаря новым идеям и совместному творческому вкладу участниц/ков из стран Востока и Запада.

Анна Альчук

Анна Дунаевская

**ЖЕНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ —
СООБЩЕСТВО ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ**

Идея создания Женского парламента возникла в мае 1995 года, когда в Саратове проходила международная конференция «Женщины и право», посвященная правовым проблемам в женском движении Российской Федерации. На конференции был жестко поставлен вопрос о правах женщины в современном правовом государстве, коим якобы является Россия, и о механизме их реализации. Смысл этой работы заключался в том, что межрегиональная Ассоциация женщин-юристов под руководством Надежды Кузнецовой решила рассмотреть действующее законодательство РФ на предмет его соответствия международному и создать такое сообщество, которое бы защищало права женщин для того, чтобы наконец сместился акцент в вековой заданности женской судьбы (киндер — коухе — кирхен: дети — кухня — церковь) на подлинные права человека. Проведению конференции способствовали консорциум женских неправительственных организаций и Министерство юстиции РФ.

Надежда Кузнецова настояла на том, чтобы в конференции приняли участие представители как можно большего числа женских организаций Саратовской области и чтобы это участие имело для них объединяющий смысл.

Так и возникла идея Женского парламента. Но была одна сложность: ведь уже существовали мощные женские движения, движения, ведомые лидерами, движения, к которым норовили и норовят «пристроиться» различные женские комитеты — старые и новые. Но в любом случае руководители их преследовали больше политико-коммерческие цели: кто-то стремился преодолеть пятипроцентный барьер на выборах в Госдуму, кто-то добивался щедрого финансирования из государственного бюджета. У Надежды Кузнецовой, общественного деятеля с солидным стажем, на этот счет существовало свое мнение: участие в общественных движениях предполагает исключительно бескорыстную работу на благо общества. Именно исходя из этого, она и решила создать Женский парламент Саратовской области.

Проанализировав ценнейший зарубежный и отечественный опыт в этом вопросе, активистки Ассоциации женщин-юристов, взявшей на себя организационную функцию, поняли, что новое сообщество должно стать представительным органом. А что это, как не парламент? Парламент, представляющий интересы всей женской общности Саратовской области. Общественный орган, в который женские движения и фракции делегируют своих членов.

В конце ноября 1996 года состоялась учредительная конференция, на которой были представлены более 40 женских организаций и на которой решался вопрос о

статусе нового сообщества: быть «при» властных структурах или же выбрать самостоятельность? Большинство голосов женщины выступили за независимость от власти.

И первым делом Женского парламента стала работа над ежегодным докладом «Положение женщин и детей в Саратовской области». Одним из основных его целей были: формирование законодательной инициативы в области по изменению федерального и регионального законодательства, касающегося положения женщин; формирование федеральных и региональных программ по улучшению положения женщин в России; реализация идеи общественного контроля и воздействия на решение вопросов по улучшению положения женщин; активное вовлечение самих женщин в процессы улучшения их положения.

Работа шла непросто, тем более что авторы доклада столкнулись с непредвиденными проблемами. Это и нежелание органов власти поддержать саму идею такого доклада, и сокрытие чиновниками необходимой информации, не представляющей, кстати, никакой тайны для широкой общественности, и сложности получения статистических данных, а главное — отказ от сотрудничества с общественностью со стороны саратовского министерства труда и социального развития, единственного в местном правительстве возглавляемого женщиной.

А между тем первое реальное дело Женского парламента — вышеупомянутый доклад аргументированно и в полном объеме показал истинное положение женщин в Саратовской области, поставил конкретные проблемы, требующие пристального внимания со стороны властей и общественности. Вот хотя бы некоторые из них.

Женщина и труд

В 1995 году отмечали пятилетие регистрации первого безработного Саратовской области. Им была женщина. Подсчитано, что продолжительность поиска работы у женщин составляет 8 месяцев. Удары рыночной экономики пришлось в первую очередь по женщинам. По официальным данным, в прошлом году искало работу 43 318 женщин, что к общему числу ищущих работу составляет 61 процент. Если же пользоваться методологией МОТ (Международная организация труда), то численность безработных окажется в 1,7 раза больше.

Традиционные «женские» отрасли экономики — легкая и пищевая промышленность, торговля, овощеводство, наука, культура и др. Естественно, женщины работают и во всех других отраслях, но преимущественно в лабораториях, экономических отделах, бухгалтериях... В системах управления работают 60–70 процентов женщин, но, увы, среди них женщин-руководителей — единицы. Так, в правительстве Саратовской области всего одна женщина, она же — депутат Облдумы. Что, интеллектуальный потенциал у женщин ниже? Говорят, не конкурентоспособна. А работать на химических производствах, в цехах с вредными условиями труда этот потенциал позволяет?

Саратовская губерния

В условиях, когда на одну вакансию приходится 9 кандидатов, женщина может рассчитывать только на малооплачиваемую работу (санитарка — 100 рублей, медсестра — 130). В оплате труда женщин — прямая дискриминация. И главный камень преткновения в этом вопросе — материнство. (Подготовлено областной женской организацией «Достоинство».)

Женщины и семейные обязанности

Не следует оспаривать тот факт, что дети, находящиеся в приемных семьях, лучше воспитаны, образованы, развиты по сравнению с детьми из детских домов. Вместе с тем, столь прогрессивная система воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, в Саратовской области не получила своего развития. Количество семейных детских домов за последние пять лет почти не изменилось, то есть создавать их попросту перестали. Основная причина кроется в том, что существующие на бумаге различные льготы не получают воплощения в реальной жизни. Денег, отпускаемых из бюджета на содержание приемных детей, катастрофически не хватает, к тому же в последние годы практикуется задержка в их выплате на 2–3 месяца (например, в городе Балакове).

К сожалению, замечательная идея приемной семьи и мамы во многом претерпела изменения. Мамы сейчас больше похожи не на друга и воспитателя, а на снабженца, прачку, посудомойку и т. д. Многие семьи из-за нехватки денег взяли огромные земельные участки и выращивают там овощи. Таким образом, зарплата воспитателя никак не соответствует тем трудозатратам, которые несут мамы в семейных детских домах. Видя перед собой подобные примеры, женщины не испытывают особого желания брать сирот на воспитание. (Подготовила Л. Свиридова, председатель Саратовского регионального союза солдатских матерей.)

О жертвах насилия

Саратовский региональный общественный фонд «Кризисный центр» начал свою работу в январе 1996 года как общественная организация, созданная инициативной группой для оказания психологической и юридической помощи женщинам и детям, пострадавшим от домашнего и сексуального насилия. Среди обращений в Кризисный центр за прошедшее с того момента время можно выделить:

— домашнее насилие

Встречается довольно часто (46 процентов обращений в Центр). В настоящее время рост домашнего насилия обусловлен изменением экономической обстановки в стране, невозможностью для женщин конкурировать с мужчинами на рынке труда, отсюда — рост числа домохозяйек и безработных женщин, что характеризуется симптомами снижения самооценки, социально-психологической незащищенности, повышением тревожности.

— инцест

Анна Дунаевская

НАДЯ, НАДИНА, НАДЕЖДА

Ловить рыбу Надя Кузнецова научилась в шесть лет. Собственно, никто ее этому специально не обучал, просто она до смерти завидовала колхозным мальчишкам, которые с первой зарей рассаживались по берегу местной речки и в сосредоточенном молчании следили за поплавками. Однако когда соседский Колька вытащил из воды очередного подлещика, Надя не выдержала. Она отмотала от катушки с белыми нитками метра три, чтобы сделать леску, распотрошила школьную тетрадку, чтобы извлечь скрепку — крючок, нашла прут подлиннее и, полная решимости, отправилась на промысел. Каково же было бабушкино изумление, когда она увидела с крыльца бегущую во весь дух внучку с бесплотной рыбой-синтошкой, зажатой в кулаке! «Надя, — едва вымолвила она, — ну зачем ты?» И шестилетняя Надя твердо сказала: «Нам нужно есть мясо. А рыба — это мясо».

С такими случаями (9,6 процента пострадавших) обращаются в основном мамы девочек в возрасте от 7 до 15 лет. Несформировавшаяся психика девочек оказывается тяжело травмированной. Это требует длительной, осторожной коррекции. Иногда случившееся приводит к сильной озлобленности, агрессии, которые могут маскироваться за необщительностью, замкнутостью. Есть случаи, в которых очень сложно помочь девочкам. Обычно это подростки, которых привели без их желания.

— изнасилование

Случаи тяжелого изнасилования редки в психологическом консультировании. В то же время каждая четвертая опрошенная старшеклассница считает себя подверженной угрозе сексуального насилия.

У большинства женщин, с которыми проводились неоднократные очные психологические консультации, в прошлом отмечались попытки изнасилования или оскорбительного сексуального действия. (Подготовила И. Халдеева, СРОФ «Кризисный центр».)

Женщины и Вооруженные силы

На фоне общих трудностей, испытываемых женщинами, было бы справедливо уделить особое внимание матерям солдат срочной службы. Не секрет, что огромная часть молодых людей уклоняется от выполнения Закона о воинской обязанности. Тем более важно отдать дань уважения женщинам, воспитывающим законопослушных сыновей-солдат. Однако, опираясь на факты, следует признать, что мать, проводившая в армию сына, испытывает больше трудностей, чем та, ребенок которой находится дома.

Положение в армии, за весьма редким исключением, отрицательно сказывается на здоровье парней, на их нравственности. Зачастую происходит переоценка ценностей, когда на первое место выходят далеко не лучшие качества человека. Таким образом, сводится на нет то хорошее, что заложили в сыновей их матери...

Кстати, общепризнано, что большинство нарушений, допускаемых в отношении солдат, находящихся на срочной службе, порождено отсутствием контроля за поступками военных. Назрела острая необходимость создать на территории Саратовской области наблюдательные советы при воинских частях, ибо матери имеют право знать, как служат их дети. Матери также вправе требовать в отношении своих сыновей соблюдения их прав и законов. (Подготовлено Союзом солдатских матерей (г. Балаково), Союзом женщин (г. Саратов), Советом солдатских матерей (г. Энгельс).)

Таким образом, женские организации, составившие Женский парламент Саратовской области, уже определили направления своей работы (некоторые из них приведены выше). А главное — руководители этих организаций прекрасно усвоили ту непреложную истину, что сила женщин всегда была в единении.

Что такое деньги, а вернее — их отсутствие, Надя Кузнецова поняла слишком рано. Оставшись без родителей совсем крошкой, она жила у бабушки, пенсия которой в то время составляла всего 12 рублей. Даже у Нади пенсия за родителей была больше — 18 рублей. Вот на эти 30 рублей они и жили. Раз в месяц покупали соль, сахар, муку и растительное масло и тянули это до следующей пенсии. Иногда бабушка устраивала внушке праздник — ребенок все-таки! — и покупала в сельмаге карамельки-подушечки. Все остальное время еда на столе была исключительно с огорода.

Правда, в день своего первого улова Наде повезло — из города приехали в гости дядя с тетей. Наде, конечно, было непонятно, почему у дяди, когда он разглядывал ее удочки, так блестяли глаза, однако в следующее воскресенье он привез племяншке подарок — целый рыболовный набор, и с тех пор Надя выучилась ловить рыбу лучше всех мальчишек, вместе взятых.

А прабабка ни дня в своей жизни не работала. Зато умела играть на рояле и на скрипке, знала иностранные языки, видела Ленина и была очень начитанна. Поэтому наверное, 12 последних лет своей жизни была совсем слепой и заставляла крошечную Надю каждый месяц читать ей «Огонек» от корки до корки, а в благодарность рассказывала правнучке занимательные романы, которые читала в юности. Как уже говорилось, характером Надя получилась в прадеда, и непонятно было, как она еще не ослепла, читая при свете керосинки все те романы, которые ей пересказывала прабабка.

Училась Надя Кузнецова в школе-интернате на всем готовом, разумеется, из соображений экономии: там и кормили, и одевали, для них с бабушкой это было огромным подспорьем. А еще в интернате были замечательные учителя, особенно учительница литературы, которая с Надей была неизменно строга, спрашивала с нее вдвое больше и очень ее любила, называла только Надиной. А Надина писала длинные сочинения про «добрые руки матери», посвящая их исключительно бабушке, и читали их перед бедными интернатскими сиротами.

В пятом классе у нее появилась мечта: научиться игре на скрипке. Она пошла в Петровскую музыкальную школу и стала умолять взять ее в класс скрипки. Директору стало не по себе от настойчивости этой интернатской девочки, которая, насколько он знал, вряд ли смогла бы платить ежемесячно по пять рублей за учебу. Но все-таки решил переговорить с интернатским директором: а вдруг школа поддержит талантливую ученицу? Но школа не нашла денег, и вместо Нади взяли дочку главного бухгалтера колхоза, у которой были деньги, но не было никакого желания заниматься.

(Потом Надежда Кузнецова тяжело переживала эту несправедливость судьбы, поскольку так и не оставила мысли научиться игре на каком-нибудь музыкальном инструменте. Вот почему годы спустя она добилась, чтобы ее дочка поступила в музыкальную школу именно по классу скрипки. И не только окончила ее, но и полюбила скрипку до такой степени, чтобы брать ее в руки, когда грустно, что называется, под настроение.)

В девятом классе Надя решила, что будет поступать на факультет психологии университета. Она была на спортивных соревнованиях в Саратове, и там, вмиг влюбившись в драку, разняла драчунов. Одна пожилая

женщина, ставшая свидетелем столкновения, заметила ей: «Ну, ты и психолог!». А дома, в интернате, ее все время спрашивали: что такое психология? И она отвечала: это наука о душе, я буду заниматься человеческой душой.

Оказывается, поступить для нее было самым легким, хотя конкурс в тот год составил 17 человек на место. А вот как учиться и на что жить? Обратиться к родственникам, к бабушке? Да ни за что на свете! И Надя устраивается на хлебозавод в ночную смену, поскольку в ночную платили вдвое больше. Утром после смены рабочим давали хлеб, молоко и постное масло. Нагрузившись едой на целый день, она тащилась в университет, с ужасом чувствуя, что засыпает на ходу. У нее до сих пор сохранились записи лекций: сорок минут почерк нормальный, а потом вытягивается в волнообразную линию.

После университета оказалось еще тяжелее. Распределения только в тьмутаракань, а у нее на руках муж с зарплатой 110 рублей и маленький ребенок с тяжелой врожденной болезнью, которого постоянно нужно было лечить в дорогостоящих санаториях. Пришлось срочно обучаться искусству вязания и начать продавать вязаные кофточки и платья.

(Недавно Надежда встретила свою старинную, после-университетских времен знакомую. Та ахнула: «Надюша, до чего ты здорово выглядишь! А я ведь думала, что тогда тебе было сорок лет!» Надежда чуть не упала: как же она себя изматывала, чтобы в 25 лет выглядеть на все сорок!)

...К тому времени, когда она всерьез заинтересовалась судебной психологией (а это означало необходимость получения второго образования — юридического), она уже приучилась спать по три часа в сутки. Поступив в юридический институт на заочное отделение, она впервые столкнулась с дискриминацией человека по половому признаку. Катюша, дочка, болела все тяжелее, лечение требовалось московское, Надя не могла решиться отправить свою малышку только с отцом (все казалось, что он не сделает так, как нужно, или что-то перепутает), а на работе на нее начали коситься, и косились, что самое обидное, именно женщины! Женщины, которые, казалось, должны были понять мать, у которой тяжело болен ребенок!

...Катя подросла. А Надежда вплотную занялась женским движением. Больше всего она, председатель Женского парламента Саратовской области, не переносит, когда идеи феминизма используются в качестве дубины. Она так и говорит:

— Почему, как мне кажется, мужчины не позволяют нам, женщинам, быть наравне с ними? Да потому, что сама женская среда несолидарна... Мужчины разругаются, рассорятся, потом выпьют по кружке пива — и, глядишь, снова друзья. Женщины так не могут, они более мелочны. Вот запомнит какой-нибудь пустяк и не сможет простить до конца жизни. И это не просто злопамятность, это удивительный психологический феномен, который не позволяет большинству женщин подняться выше зависти и суеты. Это они ругают меня феминисткой, спрашивают, ненавижу ли я мужиков. А я терпеливо отвечаю, что, пока мы не преодолеем в себе эти женские комплексы — нетерпение, неудовлетворенность, злобливость, зависть, — ни о каких полных правах женщины в современном обществе и речи быть не может. А я-то знаю, что говорю, и знаю на примере собственной жизни.

Тамара Комиссарова

БИБЛИОТЕЧНАЯ ЛЕГЕНДА

Весна как время года занимает в жизни Веры Александровны АРТИСЕВИЧ особое место. Весной 28 мая 1907 года она родилась в Одессе. В мае 1925 года стала профессиональным библиотекарем — заведующей библиотекой Амурского дома работников просвещения в Благовещенске. Весной же, в марте 31-го, стала директором Фундаментальной библиотеки Саратовского университета (получившей в марте 1934 года титул Научной библиотеки СГУ), коим остается и поныне. А в марте 1997 года вышла в свет книга, посвященная Вере Александровне — «Библиотечная легенда», — о ней и для нее. В этом же месяце Дональд РЕЙЛИ, профессор исторического факультета университета штата Северная Каролина, вручил Вере Александровне Почетный диплом за выдающийся вклад в культуру. Ежегодно таким дипломом в мире награждаются только 500 человек.

ВЕРА

В дореволюционном детстве перед маленькой Верочкой просто не стояло такого вопроса — верить ли ей в Бога? Существование Бога было аксиомой, и потому во время учебы в гимназии у нее была своя иконка, перед которой она ставила свечку, а на ночь не по обязанности, а из внутренней потребности читала Евангелие. А еще на всю жизнь ей запомнилось пение в церковном хоре при гимназии.

А потом, уже в Благовещенске, куда они переехали из Одессы вместе с мамой (отец погиб на фронте в начале Первой мировой), их застала революция — с ее кровью, трупами на улицах, вдохновенными революционными песнями и уже новой верой — в светлое будущее всего человечества и ожесточенным отрицанием Бога. Вот тогда-то, по словам Веры Александровны, ее и «научили атеизму», что во многом определило ее последующую жизнь. Даже зимняя шапка у нее была остроконечная и с такими же «ушами», как у «комиссаров», а выходное пальто пошито из солдатского одеяла.

Свою профессию — и на всю жизнь! — Вера Артисевич выбрала в 18 лет благодаря общественной работе. Начав с кружка «Друзья книги» в Благовещенске, с работы книгоноши — доставки книг рабочим заводом, — она уже не расставалась с этой профессией никогда. В 1929 году она приехала в Саратов и с 18 октября этого же года поступила на работу в библиотеку СГУ. А затем — 67 лет беспрерывно в должности директора одной и той же библиотеки — это ли не фантастический факт для книги рекордов Гиннеса!

Легко ли тогда жилось? Вот что по этому поводу говорит сама Вера Александровна: «Когда я приехала в Саратов, там было очень холодно. Чтобы нас, библиотекарей, как-то поддержать, Комиссия по улучшению быта ученых — КУБУЧ — организовала бесплатные обеды в Доме ученых: давали по тарелке супа с кусочком хлеба. И ничего, жили. А когда я сшила новое ситцевое платье и пришла в нем первый раз на такой обед, — Боже, как я была счастлива!

НАДЕЖДА

Честно говоря, более всего поразил меня ответ Веры Александровны на мой вопрос: когда, в какое время ей жилось лучше всего? «В тридцатые, — не задумываясь, ответила она. — Где-то с 33-го по 36-й...»

Для нас, не живших в то время, тридцатые, по новооткрывшейся истории, — это аресты, показательные суды, ГУЛАГ, 10 лет без права переписки... Для Артисевич же те годы — молодость, неуемная, от матери унаследованная энергия, и бурный рост университетской библиотеки, которой она руководила. Самое незабываемое впечатление тех лет — выступление на Всесоюзном совещании библиотекарей в 1934 году, где присутствовала Надежда Константиновна Крупская, которая заметила и отметила бойкую девушку из Саратова, беседовала с ней.

Но 37-й год не обошел, конечно, и один из крупнейших вузов России с его библиотекой. Какие воспоминания остались у Веры Александровны от того времени?

В первую очередь — профессиональные. Ведь тогда судили и приговаривали к небытию не только людей, но и книги. Приходили сотрудники СГБ со списками приговоренных книг, отбирали их в хранилищах, грузили в машины и увозили в неизвестном направлении. Ни одна из «неудобных» книг из этих «ссылок» не вернулась. В число запрещенных попала даже книга Крупской «На фронте культуры». Лишь дома у Веры Александровны сохранился экземпляр редчайшей теперь, а тогда «опальной» книги жены всеми любимого и преемственного (а теперь — поносимого) вождя российской революции.

С периодикой поступали проще: брали подшивки журналов и газет да вымарывали фамилии репрессированных лиц. До сих пор хранятся в библиотеке эти издания с «черными дырами» на страницах...

А потом накатилась война, когда сам Бог, вероятно, повелел россиянам жить только одной надеждой на победу. И это была, пожалуй, единственная надежда русских людей, которая оправдалась сполна.

«В годы войны, конечно, было тяжело. Университетские корпуса не отапливались, чернила буквально styli в чернильницах, не говоря уж о людях. И тогда мы поставили в библиотеке две печурки: одну — в читальном зале, другую — в кабинете директора, где ютились все библиотечные сотрудники. Режим дня был такой: четыре часа работаем в библиотеке, потом еще четыре — в госпитале. И никто из библиотеки в то время никуда не ушел! А ведь получали тогда 64 рубля зарплаты и никаких пайков! Но, как бы ни было тяжело, после работы всем коллективом шли в консерваторию, в театр. Потому что было стремление как-то успокоить свою душу, почувствовать хоть какую-то радость жизни».

Ну, а после войны... «После войны была такая громадная надежда на будущее, что никакие невзгоды не могли ее убить». Тут следует уточнить: под надеждой на будущее Вера Александровна разумеет никак не надежды на блестящую карьеру. Еще во время войны ей, облаченной Крупской, очень настойчиво предлагали пост начальника библиотечного управления Наркомпроса с вручением ключей от трехкомнатной квартиры прямо во дворе наркомата (и это в то время, когда в Саратове она ютилась в коммуналке, где, совсем по Высоцкому, «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная»). Представляете, сегодня бы из провинции кому-нибудь такое предложить?!

Она отказалась... Потом предложили должность ректора Московского библиотечного института. И вновь — отказ.

Последнее предложение, уже в 1949 году, — должность директора публичной библиотеки Ленинградского университета, до этого — рекомендация на должность директора Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в том же Ленинграде.

И опять — отказ, отказ... «Я не карьеристка. Для меня моя библиотека — это мой дом».

Этот дом и стал для Веры Александровны Артисевич ее самой глубокой и неизменной любовью на долгие-долгие годы. Именно в тяжелейшем послевоенном 49-м, когда она получила последнее престижнейшее предложение, Вера Александровна приступила к осуществлению своей давней и тайной мечты — проектированию нового здания научной библиотеки СГУ. Только неисправимый оптимист мог надеяться на это чудо — строительство нового здания библиотеки в 50-е годы. Только безраздельная, непостижимая любовь к книге, к своему делу помогли совершить это чудо.

ЛЮБОВЬ

Семья и дом — понятия, казалось бы, неразделимые. Что за дом без семьи и семья без дома? У Веры Александровны за всю ее сознательную жизнь было два дома. И две семьи.

Со своим будущим мужем Борисом Константиновичем Фениоком молоденькая Вера познакомилась в профкоме университета. Пришла требовать для своих сотрудниц спецдождеу — колготки, так как неудобно подниматься по высоким лестницам к книжным стеллажам без этого предмета женского туалета — а ушла из профкома не только с колготками.

«Мой муж был идеалом человека. Он тоже всю жизнь всем помогал. Зоолог по образованию, он был широко образован: и рисовал, и писал стихи. Его мать была из латвийских немцев — отсюда и твердые жизненные принципы». Ну, а второй семьей был, естественно, коллектив библиотеки, выросший с 30 сотрудников в 30-х годах до 300 — в 90-х. Причем между этими двумя семьями трудно даже границу провести: ведь дочь Веры Александровны Элеонора тоже работает в библиотеке СГУ.

Строительство нового здания библиотеки СГУ — это целая эпопея длиной в 8 лет. Пожалуй, только благодаря потрясающему потенциалу Веры Александровны и удалось в столь трудные для России послевоенные времена осуществить такую грандиозную стройку. С конца 50-х изображение нового здания библиотеки СГУ стало непременным атрибутом наборов подарочных открыток с видами Саратова и чуть ли не символом города — наряду с силуэтом моста через Волгу, памятником Чернышевскому и зданием консерватории.

С 28 мая 1941 года Вера Александровна ведет уникальную летопись истории университетской библиотеки, а значит, и самого университета. Записи делаются ежедневно (!) и по сегодняшний день; кроме того, здесь вырезки из газет, письма, документы и фотографии. (Кстати, около тысячи писем от различных видных и известных людей России из архива Артисевич хранятся сегодня в Библиотеке имени Ленина в Москве, в отделе рукописей.)

...Не так давно Вера Александровна прочитала понравившуюся ей фразу: «Сэкономил на культуре — разоришься на тюрьмах». Вот уж воистину — ни убавить, ни прибавить к этому афоризму.

«Я верю, что придет какой-то человек, не знаю какой, но придет обязательно и возьмет на себя этот непосильный груз — возрождение России. И соберутся вокруг него люди порядочные, и помогут ему, и Россия восстанет из этой тяжелой ситуации», — уверена Вера Александровна. — Может, силы небесные нам помогут? Ведь у нас очень добрая страна: где еще есть такие гостеприимные люди? Неужели мы не страхнем с себя всю эту грязь, эту гадость? Я уверена, я надеюсь, что будет лучше. Вся моя жизнь оправдывает эту надежду».

И последнее. Было бы высшей справедливостью установить на здании библиотеки памятную доску «Научная библиотека имени В.А.Артисевич». Пора нам научиться воздавать должное лучшим дочерям и сыновьям России еще при их жизни.

Беседу ведет Валентина Юрьева

ДЛЯ ДЕТЕЙ НУЖНО ИЗДАВАТЬ КАК ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ. ТОЛЬКО ЛУЧШЕ

Мысль эта не новая и тем более высказана не сегодня. Обидно было видеть в период книгоиздательского бума, что в первую очередь пострадали именно детские издания. Однако саратовским ребятишкам в этом смысле повезло: ведь именно в этом городе уже шесть лет существует издательство «Детская книга», которое возглавляет Валентина Григорьевна Фатева.

— Валентина Григорьевна, как давно вы работаете в книгоиздательской сфере?

— С 1973 года. А в «Детской книге» — шесть лет, ровно столько, сколько существует само издательство. В конце 1991 года мы отпочковались от Приволжского книжного издательства и на базе детской и краеведческой литературы создали «Детскую книгу».

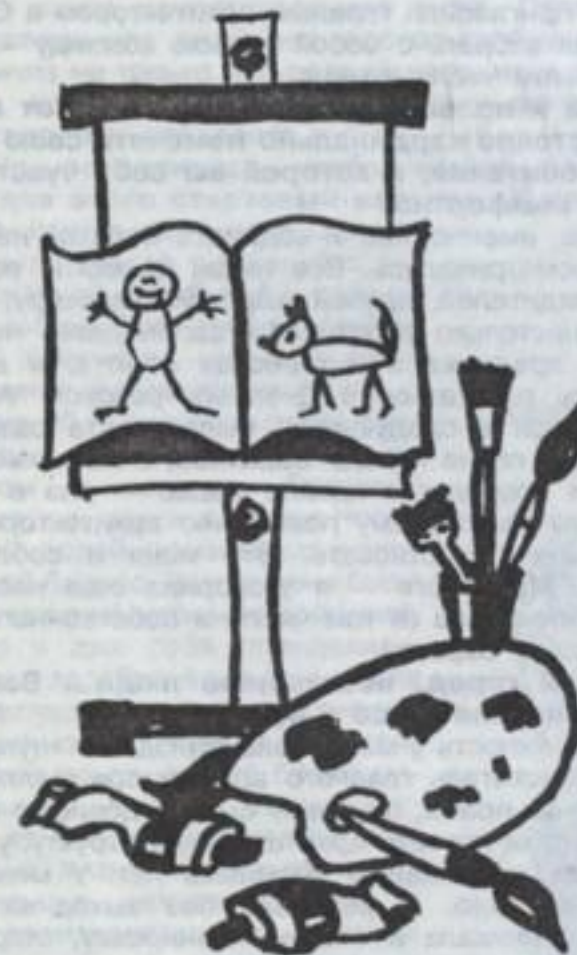
— Чем же было вызвано это разделение?

— Мы решили (пусть даже это звучит несколько нескромно), что детские книги должны делать только профессионалы высокого класса, каковыми мы себя и считали. Но начались трудности с поиском собственного «лица»: что бы мы ни выпускали в первый год, это все равно было Приволжское книжное издательство. Я постоянно трясла нашего замечательного художника Валентина Константиновича Иванова, чтобы он искал новое оформление. И только через пару лет мы нашли его. Но были трудности и иного плана.

— Вероятно, материальные?

— Угадали. Мы начинали с нуля. То есть пришлось брать кредит в банке (что всегда плохо для начинающих), закупать бумагу, выпускать первую книгу (помнится, это было «Ожерелье королевы» Александра Дюма), реализовывать ее и зарабатывать тем самым материальную базу.

— А как вы пришли к мысли об издании краеведческой литературы?

— Путем изучения читательского спроса. Мы видели, что книжный рынок очень быстро насыщается и нужно поскорее найти свободную нишу и заполнить ее. Оказалось, что это учебная литература и справочники. Мы все, вероятно, дети того времени, поэтому растолкать даже моих гениальных редакторов было невозможно. Но я нашла выход: обзвонила своих коллег в других городах и остановилась на Ростове. Совместными титаническими усилиями была подготовлена «Хрестоматия для 1-4 классов». Но ни у них, ни у нас не было денег на ее издание. И мы договорились с ростовским директором: мы берем кредит и покупаем все материалы, они берут кредит и оплачивают все типографские расходы. Мы очень быстро ее сделали, распределили между собою тираж по 50 тысяч экземпляров, расплатились с долгами и невероятно скоро реализовали весь тираж.

— Стало быть, материальная база у вас стабилизировалась?

— Да, благодаря этому мы смогли издать «Мотылек, который топнул» Киплинга, с этого, собственно, и началась наша серия: учебники нового поколения. Например, антикварная библиотека: живописный Карамзин — «История в картинах». Потом профессор Саратовского пединститута Б.Железовский подготовил к печати «Хрестоматию по природоведению» для самых маленьких, а доцент Саратовского госуниверситета Н.Девяткина — «Историю средних веков». Но больше всего мы гордимся серией книг, сделанных на местном материале, — «Историей Саратовского края» и «Географией Саратовской области».

— Валентина Григорьевна, как вы уже говорили, книжный рынок перенасыщен и далеко не каждый новоиспеченный издатель радеет о качестве своей продукции...

— Видите ли, существует закон, по которому каждый гражданин, достигший 18-летия, может стать издателем. Тем более что существует и такое понятие, как заказная литература. Делается она очень быстро, на мелованной бумаге, набирается на компьютере. Видишь такую «литературу» и чуть не плачешь: ошибка на ошибке, строчки растянута, переносы безграмотные.

— Как же профессиональным издателям можно защититься от тех, кто думает лишь о наживе?

— Кооперироваться. Нам, профессионалам, очень обидно видеть вопиющую некомпетентность в нашем деле. Особенно обидно, когда «жертвами» становятся детские издания. Дети ведь учатся на этих книжках — чему может научить непрофессионально изданная литература? В конце концов, от этого страдает не просто образовательный уровень нашей молодежи, от этого страдает культура в целом.

Беседу ведет Валентина КАЗАКОВА

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА В «МУЖСКОМ» БИЗНЕСЕ

В самом сердце Саратова на тихой улочке стоит небольшой особнячок без каких-либо вывесок или других опознавательных знаков. В нем расположилась небольшая фирма, название которой — «АКВИТАЛ-М» — известно пока только в деловых кругах Болгарии и Югославии, Америки и Англии, Турции, Дании и, собственно, России. Точнее — Саратова и Москвы. И хотя работают в «АКВИТАЛ-М» исключительно мужчины, директором ее тем не менее является женщина, Людмила Григорьевна Ткаченко. А известна фирма беспрецедентным по нынешним временам для Саратова проектом бизнес-центра — первого в «столице Поволжья» — на реализацию которого Людмила Ткаченко не попросила из государственной казны ни одного рубля.

...Кстати, мужчины, работающие в фирме, в том числе и автор проекта бизнес-центра муж Людмилы Юрий Ткаченко, — все как на подбор: высоченные, как ирландские башни, деятельные и громогласные. И хотя ростом хозяйка фирмы едва-едва каждому из них по плечу, ее присутствие среди них никогда не остается незамеченным: настолько уважительно, восторженно и бережно относятся к своей начальнице солидные взрослые мужчины.

— Люда, меня всегда занимал вопрос выбора профессии молодым и неопытным человеком. Например, неужели вы с детства мечтали проектировать дома и часами простаивать за кульманом?

— Отнюдь. Я хотела работать в журналистике, и в школе все свободное от занятий время посвящала изучению именно этой профессии. Но поступить в университет не получилось, знаете, как в те годы было: конкурс огромный, мест мало, никому не нужна девочка из заштатного украинского городка... Пришлось вместо университета поступить на стройку подсобной рабочей, а вместо зачетной книжки получить на руки лопату. К счастью, у меня всегда были способности к черчению и хорошо развитое абстрактное мышление (например одежду себе я моделировала сама), и вскоре я уже работала в лаборатории промышленной эстетики. Коллектив был очень теплый, творческий; в нем я себя чувствовала комфортно и так старалась в него «вписаться», что со временем меня начали допускать к помощи архитекторам, к коллективным обсуждениям, даже интересовались моим мнением. Для семнадцатилетней девочки это было чуть ли не официальным признанием.

— Ее призвания? Ведь тогда вы и решили выбрать архитектуру?

— От принятия решения до его исполнения мне предстояло сначала не пройти в институт по конкурсу, потом проявить характер и в течение года каждый вечер заниматься только подготовкой к экзаменам. Ходила на курсы, посещала студию рисования, занималась с репетиторами... Далее — обычная учеба в институте. Только перед выпуском мне снова пришлось собрать свою волю в кулак: за три дня до госэкзаменов у меня родился сынишка, и, как вы понимаете, пришлось мне в течение полугодия делить свое внимание между дипломным проектом и грудным ребенком. После института — работа в художественном фонде, где я занималась не архитектурой как таковой, а интерьером, но и это оказалось настолько интересным, что меня даже отправили на стажировку в рижскую Академию художеств на факультет дизайна. Это были мои первые самостоятельные шаги в архитектуре. Тем более что после Риги я наконец приступила и к объемному проектированию — промышленному. И вскоре последовало приглашение на должность районного архитектора в администрации города Днепропетровска, где мне предстояло заниматься и разработкой малых форм, и курированием больших объектов.

— А вам не жалко было менять живое, интересное дело на функции администратора?

— Да нет. Я знала, зачем это делаю. Видите ли, мне всегда, может быть, по молодости, а возможно, по ищущему складу ума было непонятно: почему мы строим одинаковые здания, почему у нас одинаковые

квартиры, когда мы все такие разные? И я подумала тогда, что работа в организации архитектурного и строительного процесса даст мне возможность помогать талантливым архитекторам, проектировщикам, которым было тяжело пробиваться через существовавшую тогда «дубовую» строительную базу, через догмы устоявшихся нормативов.

— И как вам это удавалось? И удавалось ли вообще?

— Конечно, это были иллюзии, потому что я еще недопонимала, что существует система, а бороться с ней, какой бы ты пост ни занимал, необъяснимо тяжело. Но тем не менее у меня кое-что получалось, и я начала «расти». Через полтора года меня пригласили уже заместителем главного архитектора области, и я возглавила тему реконструкции и реставрации архитектурных памятников. Важно, что попался нормальный творческий коллектив. Но вскоре моего начальника Виктора Кузьмича Барсукова пригласили главным архитектором в Саратов, и он решил забрать с собой и свою команду — десять человек. В том числе и меня.

— Если я правильно понимаю, то в тот момент вам предстояло кардинально поменять свою жизнь, ту среду обитания, в которой вы себя чувствовали наиболее комфортно?

— Да-да, именно так. Я ездила в Саратов несколько раз — присматривалась. Все никак не могла решиться оставить родителей, друзей, хорошую квартиру, но, наконец, я настолько фанатична в своем деле, что, когда мне была предложена интересная работа, я все-таки согласилась расстаться с Днепропетровском. А смысл ее заключался в следующем: была начата разработка генерального плана города Саратова, а поскольку такие разработки проводятся крайне редко — раз в 25 или 50 лет, — то не каждому поколению архитекторов приходится в них участвовать. Это меня и соблазнило, подкупило. Мало того — я уговорила еще нескольких коллег-архитекторов (в том числе и собственного мужа) перебраться в Саратов.

— Чужой город, незнакомые люди... Вам ведь пришлось начинать все с нуля!

— Ну, должность у меня была отнюдь не «нулевая» — первый заместитель главного архитектора миллионного города! Но вы правы, поначалу было чудовищно сложно. Для того чтобы изучить архитектурную структуру огромного города, необходимо несколько лет. У меня этого времени не было. Я работала без выходных и без праздников, вникала в старую планировку, старые архитектурные решения и в новые, уже утвержденные проекты. Саратов очень своеобразный город — и по архитектуре, и по климату, — и это является его плюсом. Но существовали и огромные проблемы, которые породила война. Саратов, к счастью, не был оккупирован,

как Днепропетровск, где во время войны все было разрушено, и когда началось послевоенное строительство, то город, по сути, построили заново, проложили новые коммуникационные сети. В Саратов же эвакуировали многие промышленные предприятия, которые начинали свою работу чуть ли не через сутки. Естественно, что в то время не заботились о планомерности каких-то подводок к коммуникациям и часто забывали зафиксировать это на бумаге. И вообще Саратов в архитектурном смысле крайне «стихийный» город, в нем множество домов еще дореволюционной постройки, которые, несмотря на качество строительства, требуют капитальной реконструкции. Это огромный материал мне нужно было «пропустить» через себя, досконально изучить, чтобы иметь в дальнейшем право принимать оперативные решения на своем высоком посту.

— Но вы расстались и с этим высоким постом, причем по собственной инициативе, чтобы опять все начать с нуля. Какими соображениями вы руководствовались на этот раз?

— Да все просто. Началась перестройка, а вместе с ней и длительный период затишья в строительстве. Впрочем, как и во всей стране. Именно в это время нынешний губернатор области Дмитрий АЯЦКОВ (тогда он работал в промышленном птицеводстве) дал мне возможность съездить в Данию, пообщаться с тамошними деловыми кругами. Если принять во внимание тот факт, что эта поездка за рубеж была вообще первой в моей жизни, то можно прямо сказать: я была просто потрясена. Насколько сама атмосфера, ритм жизни там отличался от нашего скучного однообразия, что по возвращении оттуда я решила распрощаться с чиновничьим миром. Не могу сказать, что я большой любитель власти, хотя и убеждена, что власть у деятельного человека быть должна, но мне как натуре творческой, достаточно свободной хотелось не просто работать, но и видеть результаты своей работы. А главное — не зависеть от общепринятых догм.

Я прекрасно понимаю, что абсолютной свободы не существует, ее и не может быть, поскольку мы все живем в обществе, перед которым у нас есть определенные обязательства. Но мне кажется, что человек не должен отказывать себе в стремлении заниматься любимым делом. Поэтому я решила организовать свою фирму и начать самостоятельную жизнь. Правда, я чуть-чуть недооценила ситуацию, поскольку была несколько романтична не только для российского, но и для бизнеса вообще, поэтому трудностей поначалу хватало. А чего не хватало, так это денег.

— Но, согласитесь, чтобы начать дело, нужно иметь для этого стартовый капитал. У вас он был?

— Ну откуда же у меня стартовый капитал, когда я пришла с государственной службы? А у кого он тогда вообще был, кроме воротил теневой экономики, — но ведь это и бизнесмены совсем другого уровня. Кто такие 80 процентов наших бизнесменов сегодня? Особенно в малом и среднем бизнесе? Да такие же, как и я, разве что с меньшей долей романтизма начинали свой бизнес. Зато у меня были люди и четкая программа действий, которую я для себя определила. Поэтому я зарабатывала деньги для ее реализации параллельно своему основному делу, которым я продолжала заниматься, только более цивилизованно: той же реконструкцией, новым строительством, введением в жизнь не только новых строительных технологий, но и новых производственных отношений. Ведь до сих пор подрядчик-строитель на площадке был царь и бог, а архитектор или проектировщик, которые должны были бы диктовать условия исполнителю,

оставались на третьестепенных ролях. Кроме того, их возможности ограничивались одним железным аргументом — отсутствием средств.

— Аргумент действительно железный, поскольку отсутствие средств сегодня настолько очевидно, что людям важнее просто крыша над головой, а не то, что под ней находится...

— Ужасное заблуждение. Архитектор обязан менять среду, в которой мы живем, среду обитания. Мы же стремимся носить индивидуальные модели одежды? А живем в типовых, жутких квартирах, которые ломают нашу психику с детства. И я почувствовала, что смогу, пусть локально, на одном объекте, проявить себя и как архитектор, и как творческий в плане бизнеса человек, способный найти другие подходы, отличные от тех, что до сих пор применялись в строительстве.

Но для того чтобы осуществление программы началось, были необходимы деньги, земля, проект. Чтобы заработать деньги, я занялась оптовой поставкой медикаментов. Все-таки это достойнее, чем торговля водкой и селедкой. Одновременно я искала и партнеров-единомышленников для своего предприятия. Понимаете, в процессе работы я убедилась в том, что в России «цивилизованных» денег очень мало. Примеров тому не счесть: невыплаты по зарплате, замороженное муниципальное строительство, да мало ли... Я поняла, что деньги нужно привлекать из-за рубежа, но привлекать на нормальной, цивилизованной основе. Так родилась идея бизнес-центра. Я решила создать предприятие, которое бы специально аккумулировало средства для развития строительных программ. Конечно, я могла бы просто запроектировать и построить прекрасный, оригинальный жилой дом. Но кому из западных инвесторов будет интересен один жилой дом? Или даже десять таких домов? Работая же над проектом бизнес-центра, я рассчитывала на его привлекательность, рентабельность для потенциальных инвесторов. Бизнес-центр — это и быстрая оборачиваемость средств, и высокая доходность предприятия плюс прекрасные условия работы для самих западных партнеров, среди которых и американская компания «Эмбер Ридж», и «Главболгарстрой», и Инкомбанк, и многие другие. Задача бизнес-центра — создание не просто условий для жизни представителей этих фирм (а там будут еще и представительские квартиры), но и современных условий для работы.

— Проще говоря, гостиница с офисом?

— Это было бы слишком примитивно. В дальнейшем мы планируем подбирать проекты, интересные для западных инвесторов, быстрокупаемые и защищенные, поскольку в бизнес-центре будут работать и юридические

службы, и консалтинговые, и аудиторские, страховые компании... Другими словами, вся структура бизнес-центра будет направлена на то, чтобы найти в России проект или фирму, за которые мы могли бы поручиться, выступить гарантом, разработать понятный и приемлемый для инвестора бизнес-план, найти этого самого инвестора, познакомить потенциальных партнеров и довести их совместный труд до логического завершения.

— Люда, давайте пока отвлечемся от бизнес-центра. Вам в вашей работе чаще всего приходится иметь дело с мужчинами...

— К сожалению.

— ...которые не всегда могут управлять своими эмоциями, забывая при этом порой, что их визави является женщина. Как вы с ними сосуществуете?

— На государственной службе было, конечно, легче, поскольку существовал высокий стандарт поведения, своеобразная иерархия, тем более, меня часто защищала долж-

ность... В бизнесе же, по-моему, редко обращают внимание на то, какого пола собеседник. Здесь превалируют вопросы взаимовыгоды и надежности партнера. А цивилизованное отношение к женщине измеряется только степенью культуры и воспитанности данного индивидуума. Так что в бизнесе женщине важно иметь твердый характер. И нужно четко чувствовать потенциальных партнеров: с кем можно работать, а кого нужно и поостеречься, на чье плечо, фигурально выражаясь, можно опереться, а кому и свое подставить. Ведь зачастую женское плечо, несмотря на его хрупкость, сильнее и надежнее мужского.

Что же касается привлекательности женщины — делового партнера для мужчин-бизнесменов, так до той поры, пока за нею нет больших денег, она никому не интересна или интересна с точки зрения наемной рабочей силы. Пока тебе самой нечего предложить, соответственно, и спрос на тебя невелик. Например, сегодня, когда я решила вопросы финансирования (не попросив при этом ни копейки из местного бюджета) и проект бизнес-центра не только утвержден, но и «доведен до ума», к контакту со мною стремятся уже и солидные строительные фирмы, руководители которых надо мною прежде просто посмеивались. Существует такой расхожий стереотип: строительный бизнес — это мужской бизнес, женщине в нем делать нечего. Но я считаю, любые стереотипы можно и нужно ломать.

— Тем не менее в вашей фирме работают только мужчины, и это довольно норовистые мужчины, у которых за плечами и руководящий опыт, и власть, и положение в обществе...

— Именно таким мужчинам не хватает сегодня главного — настоящего дела. И они понимают, что сейчас трудятся во имя него, во имя своего будущего. Вы будете смеяться, но, устав на госслужбе от общения с генералами военно-промышленного комплекса, стремившимися построить для своих рабочих быстро, дешево и одинаково плохо, я ушла в свой бизнес, то твердо решила: у меня будет исключительно женский коллектив, никаких мужчин! И у меня сначала занимались медикаментами семь славных женщин. К сожалению, жизнь диктует свои правила: появился один мужчина, за ним — другой, а когда мы полностью перешли к строительной теме, вокруг меня оказались одни мужчины. Просто есть задачи, особенно в строительном бизнесе, решение которых не каждой женщине по силам. Во всяком случае, мужчины, которые меня сегодня окружают, это единомышленники. А так как я являюсь стержнем нашей компании, они стараются этот стержень оберегать от напастей.

Беседу ведет Валентина Казакова,

МИЛИЦЕЙСКИЙ ПОГОН НА ЖЕНСКОМ ПЛЕЧЕ

Пока Алла Георгиевна терпеливо втолковывала по телефону некоему непонятливому инспектору чуть ли не азы патрульной службы во время молодежной дискотеки, я постоянно, со смешанным чувством восхищения и ужаса косилась в угол ее кабинета, где был наполовину раскрыт стеной шкаф. Вообще-то в ее кабинете меня интересовали две вещи: аппликация на стене и этот самый шкаф. На аппликации был изображен осенний лес, по которому идет женщина с двумя ребятами; судя по корзинкам у них в руках, они пришли в этот лес за грибами. И как странно диссонировал с этой пасторальной сценкой полуоткрытый шкаф, в котором виднелась поникшая на вешалке форменная рубашка и краешек звездного погона! Впрочем, удивляться было нечему, ведь Алла Георгиевна АРИСТОВА — майор милиции.

— Может быть, они оберегают не просто стержень компании, а именно вас, красивую, хрупкую женщину, слишком много, по их разумению, взвалившую на свои плечи?

— Я не зря все время повторяю это слово — единомышленники. Я работаю для общей нашей цели. Они же видят, что я не езжу на «Мерседесе», не ношу норковую шубу, хотя при других обстоятельствах не отказалась бы ни от того, ни от другого. Например, сейчас я за рулем езжу сама, без водителя, поскольку это дает предприятию экономию. И если нужно пропылесосить палас в моем кабинете, я это сделаю сама, не посчитаю зазорным.

— Но огромное напряжение, в котором вы находитесь, не может не привести к эмоциональному или физическому срыву...

— А я и срываюсь. Только этого никто не замечает, разве что моя реакция на то или иное событие порой бывает неадекватной. Но для меня магическое значение имеет слово «надо». Ведь в меня поверили, за мною пошли, я не могу подвести этих людей.

— Как же вы ухитряетесь так замечательно выглядеть?

— Спасибо, конечно, но я делаю это в целях конспирации. Чтобы не видели, как мне трудно. А потом, я же художник. И женщина. Женщина в любых обстоятельствах должна выглядеть если не превосходно, то на уровне. К тому же, я считаю, что просто обязана выглядеть подтянутой, привлекательной, улыбчивой, — своего рода визитной карточкой нашей фирмы.

— А ваша внешность помогает вам в работе с чиновниками?

— Конечно! И не только с чиновниками. Каждому мужчине приятнее общаться с привлекательной и обаятельной женщиной. К тому же это прекрасная возможность заставить себя выслушать.

— Ваш совет женщинам, решившим заняться бизнесом...

— Не знаю, насколько я вправе давать советы, у меня самой было много ошибок и недоработок. Но тем не менее... В каждом человеке, а в женщине особенно (так как посягательства на ее индивидуальность гораздо больше, чем на индивидуальность мужчин), должно быть чувство самоуважения. Не сдаваться, если сначала тебя не признают. Не признают и мужчин. Не стараться походить на мужчину — это, право, ни к чему. Женщина есть женщина, этим она и прекрасна.

— Вы что-то хотите им пожелать?

— Я желаю всем женщинам быть счастливыми.

— Алла Георгиевна, думаю, не только меня интересует вопрос: почему женщины идут работать в милицию (я не имею в виду технические должности)? Например, что вас побудило выбрать такую профессию?

— Начнем с того, что это наша семейная традиция: моя мама Софья Кирилловна — подполковник милиции с 22 лет уже работала следователем, муж Николай Николаевич: подполковник милиции в свое время считался лучшим сыщиком в Саратове. Естественно, что я с детства была знакома с тонкостями правозащитной деятельности, и она мне очень нравилась. Правда, в школе я очень увлекалась математикой, что и определило мой выбор — мехмат университета, — только судьбу не обманешь: после окончания вуза я пришла преподавать высшую математику в школу милиции. Проработав восемь лет преподавателем, я перешла в городское Управление внутренних дел. Перед этим я четко продумала основные направления своей будущей милицмейской работы, и оказалось, что мне ближе всего проблемы, связанные с профилактикой правонарушений среди детей и подростков.

Знаете, сейчас очень многие ходят на работу через силу, полагая, что государственная служба — это не что иное, как сравнительно честный способ отъема денег у того же государства. Я же хожу на работу с удовольствием, поскольку очень ее люблю, и на своей должности могу сделать довольно много.

— Простите, а что это за должность?

— Я начальник отдела по профилактике преступлений среди несовершеннолетних Саратовского УВД. Благодаря этой должности я имею выход на многие параллельные структуры, например, государственной власти, на общественные организации. Кстати, недавно в городской Думе слушался вопрос о реализации основных направлений молодежной политики. Я там выступала, говорила о проблемах, которые существуют у городской молодежи, о великодушных в этом плане, но, увы утраченных вместе с распадом старой системы традициях помощи несовершеннолетним. Например, когда-то была прекрасная практика посылать трудновоспитуемых подростков в студенческие стройотряды, где они буквально, простите за каламбур, воспитывались трудом. Кстати, сейчас ведь развивается скаутское движение, почему бы его идеологам не задуматься о конкретной помощи трудным подросткам? Или молодежные формирования в военных училищах, которые тоже могут взять под свое крыло десяток-другой неблагополучных, вывести их в свои военные лагеря, показать им настоящую мужскую жизнь, да мало ли... То же воспитание патриотических чувств — это не отзвук тоталитарной системы, это чистое человеческое чувство — любовь к своей Родине, которую, простите, извели на нет.

— Ну а как конкретно вы, Алла Георгиевна, можете с высоты вашей должности повлиять на процесс перевоспитания не самой лучшей части нашей молодежи?

— По долгу службы я еще и вхожу в состав различных комиссий в городской администрации, например в комиссию по делам несовершеннолетних или в комиссию по сексуальной культуре. Помимо этого меня постоянно приглашают на различные координационные совещания — в прокуратуру, в Думу, в правительство области. Ведь с уходом в Лету старой системы перестали работать и те рычаги, которыми мы пользовались в нашей деятельности, следовательно, нужно искать новые приемлемые формы, разрабатывать новые проекты...

— ...и новые рычаги?

— Зря иронизируете. К нам за опытом из других областей приезжают.

— За каким конкретно?

— Извольте. Я как-то отметила про себя тот факт, что увеличилось количество правонарушений среди подростков в учебных заведениях. Пришлось обратиться к зару-

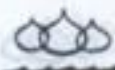
бежному опыту, и меня заинтересовал прецедент «школьного полицейского» в одной из стран. И мы решили провести подобный эксперимент на базе одной из саратовских школ. Специально закрепили за этой школой сотрудника милиции, директриса выделила ему квартиру при школе. Это был «дядя полицейский при школе», как его называли окрестные жители. И что вы думаете? За год там преступность снизилась до нуля.

— А что входило в функции «школьного полицейского»?

— Да много чего, ведь он фактически жил при школе. В его обязанности входила, например, охрана безопасности учащихся — чтобы не ходили посторонние, чтобы не возникало драк, чтобы не распространялись наркотики не только на территории школы, но и в окрестных дворах. А главное — работа с семьями, живущими в этом микрорайоне, в которых есть дети дошкольного возраста, формирование сознания и будущих школьников, и их родителей. К тому же эта школа выгодна своим геополитическим положением, поскольку на ее территории расположена церковь, и ее служители с готовностью участвовали в духовном воспитании учащихся. А «школьный полицейский» в каждом классе, начиная с первого, проводил профилактические занятия, внедряя в еще неокрепшие умы основы законопослушания: объяснял статьи Уголовного кодекса, на примерах рассказывал, за какое правонарушение какое наказание следует, и так далее. Этот эксперимент оказался настолько действенным, что мы открыли в этой школе юридический класс, в котором дети изучают все, касающееся этой науки, — даже римское право, даже риторику. В результате этот класс стал базой для поступления как в школу милиции, так и в саратовскую Академию права.

— Хорошо, Алла Георгиевна, этой школе повезло, у ребят есть свой «дядя полицейский», да еще святой отец из соседней церкви, да еще юридический класс. А как же быть с тысячами других детей города, которым повезло гораздо меньше?

— Хороший вопрос, к решению которого, кстати, мы и приступили год назад. А именно: мы создали мобильную группу по профилактике нарушений несовершеннолетних. Между прочим, местные средства массовой информации не преминули назвать ее «Неотложной помощью подросткам». Это специально оборудованный микроавтобус, на котором, кроме номеров телефонов доверия, есть и надписи типа: «Подросток! Ты попал в беду — позвони!», «У вас проблемы с ребенком — обращайтесь!», «Скажи три «нет» — курению, алкоголю, наркотикам!». Работает эта «неотложка» ежедневно — с 3 часов дня до 11 часов вечера по всему городу. В состав бригады, кроме сотрудников милиции, входят и врачи-наркологи, и социальные работники, и психологи. Население с большим доверием

относится к этой группе: иной, глядишь, в милицию за помощью не обратится, а к автобусу подойдут, делятся бедами, подсказывают, в какой двор нужно заглянуть. Например, мать «загуляла», забыв о своих детях, и трехлетний малыш кормился из собачьей миски, по-братски делясь объедками с дворняжкой... Или пятилетняя дочь сбежала к соседке, потому что «мама часто бьет, пугает топором»... или десятилетняя девочка вторую неделю живет в подвале, потому что дома отец систематически насилует ее... Вот для таких случаев и существует «неотложка»: взять ситуацию под контроль, вызвать наряд милиции для ареста любвеобильного папаша, позаботиться о голодных и напуганных детях, серьезно поговорить с их свихнувшимися родителями. Или просто предотвратить драку подростков.

— Однако мир не ограничивается только школьной территорией, не так ли? Стоит юноше или девушке выйти за ее пределы, и — извольте — тысячи соблазнов! Как быть с этим?

— Еще семь лет назад я начала заниматься вопросами профилактики правонарушений в сфере общественной нравственности. Тогда только-только начали появляться на лотках секс-гороскопы, секс-анекдоты, видеofilмы сомнительного содержания. Да что за примером далеко ходить! Я живу в районе железнодорожного вокзала, так вот тогда чуть ли не под мои окна пригнали и поставили целый автобус, в котором целыми сутками крутили самую черную порнуху — и для отъезжающих, «на дорожку», и для местных. А сколько зрителям лет, никого из этих дельцов не интересовало, лишь бы денежки платили. Я не выдержала, когда увидела у этого автобуса десятилетнего мальчишку, который сбежал из дома и находился у нас в розыске. Нашел пристанище — порнушку смотреть! В общем, дорожная служба подогнала кран, подцепили этот расадник разврата и увезли к чертовой матери. С того и пошло. Позже был создан комитет по сексуальной культуре, подготовили распоряжение правительства Саратовской области по регламентации распространения эротической продукции, а уж когда начали появляться объявления об оказании услуг интимного свойства, я предложила создать пусть немногочисленное, но подразделение милиции нравов. Это было пять лет назад, подобного опыта в стране не было, только в Санкт-Петербурге, пришлось ехать туда набираться уму-разуму... Началось это подразделение с четырех человек, а сейчас в нем работают уже 12 сотрудников.

— В начале года губернатор Саратовской области во всеуслышание заявил, что в городе Балакове Саратовской области будет открыт первый легальный публичный дом. Центральные средства массовой информации подняли вокруг этого невероятный шум. А как относитесь к легализации проституции вы?

— Разумеется, категорически негативно. Но для начала нужно пояснить один момент: со стороны губернатора, на мой взгляд, это была своего рода провокация, просто ему хотелось выяснить нравственную ориентацию населения. «Утка» оказалась достаточно действенной — посыпались гневные письма и телефонные звонки в аппарат губернатора (в день фиксировалось по 200–300 звонков!) с требованием остановить создание легального вертепа. Но эта маленькая шутка губернатора принесла и неожиданный результат: в области вдруг нашлось 1600 (!) вакантных мест для женщин! Однако наряду с этим оживились и наши правозащитники, в частности Александр Ландо, который утверждал, что коль скоро наша Конституция гарантирует каждому право на труд, то личное дело каждого выбирать себе форму труда: мол, кто-то трудится руками, кто — головой, а кто и... И наша задача была: квалифицированно доказать оппонентам и сомневающимся части населения, почему допускать этого ни в коем случае нельзя.

— Как я понимаю, перед вами стояла сложная задача, ведь и у правозащитников, как вы их называли, аргументы были впечатляющими.

— Отнюдь нет. На каждый их аргумент мы находили свой контраргумент. Хорошо, давайте по пунктам. Их позиция: надо создать публичные дома и регламентиро-

вать проституцию, потому что это, во-первых, медицинский контроль за венерическими заболеваниями, за распространением ВИЧ-инфекции и так далее. Я, которая столько времени общалась с разного рода проститутками по долгу службы, объясняла, что никакие врачи не проследят за их здоровьем лучше, нежели они сами. И если даже медосмотр проводить еженедельно, то простая арифметика доказывает бессмысленность этой процедуры. У проститутки семь-восемь клиентов в день, умножаем на семь, значит, 50–60 человек рискуют заразиться в течение недели, до следующего медосмотра. Во-вторых, утверждали наши оппоненты, проститутки уйдут из-под криминальных «крыш», а весь процесс будет находиться под контролем государства. Это тоже миф. Если у нас тысячи других структур — и государственных, и коммерческих — находятся под «крышей» криминала, то уж публичные дома никак не будут обойдены его вниманием. И потом, кто этот публичный дом возглавит? Извините, девственница на это не пойдет, следовательно, это будет такой же представитель криминальной среды.

— Однако основные источники доходов мафии складываются из торговли наркотиками и, извините, женским телом. Если государство возьмет под свой контроль проституцию, у него есть хороший шанс значительно приумножить свою казну за счет налоговых отчислений от деятельности публичных домов...

— Вот в этом как раз и заключается самый некрасивый и немислимый парадокс сей идеи. То есть те деньги, которые сейчас с проститутки получают сутенеры, будет получать государство. Значит, государство будет выступать в роли сутенера. А такое государство, я убеждена, просто обречено на провал, на деградацию. Таким образом ведь погибла не одна цивилизация — инков, ацтеков, Римская империя, наконец. Половая распущенность, кровосмешение привели их к вырождению — как моральному, так и физическому.

— Интересно, что говорят по этому поводу сами виновники таких жарких споров?

— Проститутки? Многие из них не против заниматься своим ремеслом легально, но в то же время идти получать лицензию (вспомните «желтый билет») официально, тем самым признавая постыдный факт такой работы, категорически отказались все до единой. В разговоре с глазу на глаз они держатся смело и нагло, однако стоит появиться видеоканере, они тут же теряют дар речи и стараются спрятаться даже под стол.

— Но как бы то ни было, а наши девушки очень даже котируются за границей. И не только проститутки. Сколько объявлений о приглашении на работу за границей!

— То-то и оно. Я недавно была в Москве на международной конференции, посвященной проблеме вывоза наших женщин за рубеж для секс-торговли, на которой присутствовали представители более чем тридцати стран. Я там говорила о том, какими путями вывозят «живой товар» за границу — про все эти агентства по трудоустройству за рубежом, брачные конторы, различные шоу, — и у меня был один вопрос, который я и хотела обсудить на конференции: как этому препятствовать? Какие поставить преграды, какую юридическую ответственность должны нести руководители и организаторы всех этих, с позволения сказать, «вояжей», транзитные и принимающие стороны? И чувствую — меня не слышат. У них забота одна — как депортировать наших женщин, оказавшихся в сексуальной кабале за границей? И все это подávalось под соусом защиты прав человека: мол, и в тюрьмы их, бедных, за границей сажают, и деньги у них отнимают, и куда не пускают... И речь почему-то шла не о первопричине — как их туда не допустить, этих дурачков, а о следствии — как их поскорее оттуда убрать. И только поговорив в кулуарах конференции, поспрашивав, я поняла одну очевидную истину: оказывается, наши проститутки составляют мощную конкуренцию проституткам тамшним, местным. И портят весь бизнес: во-первых, своей массовостью, во-вторых, дешевизной и легкодоступностью, а главное — внешней привлекательностью.

— Значит, ваши коллеги рассматривали этот вопрос с точки зрения защиты прав проститутки? Мол, их путаны социально защищены и пусть нормально трудятся, а наши бесправны и пусть едут восвояси?

— Именно. И мне было так горько и обидно за державу! Мы теряем наш генофонд, самых красивых, самых молодых вывозим из страны. Раньше при соответствующем стечении обстоятельств про ловеласа говорили: испортил девушку. И я задумалась над генетической стороной этого выражения. Ведь каждый клиент проститутки оставляет свой генный след. И отсюда начинается, как ни дико это звучит, вырождение нации. А когда эти так называемые правозащитники, отстаивая, как им кажется, интересы проститутки, повторяют, что они «как все», они очень сильно ошибаются. Не может быть женщина, которая занимается проституцией с 18 до 25 лет, быть «как все». И то, что из проститутки потом получаются хорошие жены, — тоже миф. Они уже испорчены, и ни один нормальный мужик в жены бывшую проститутку не возьмет.

— Однако определенная часть мужской половины общества считает престижным пользоваться услугами дорогостоящих путан.

— Вероятно, вы о так называемых «новых русских»? Ну, это не более как дань моде. Как «Мерседес», как мобильный телефон, как малиновый пиджак... Для них кажется престижным похвастаться в компании себе подобных: мол, вчера девушку по телефону заказал.

— Вы постоянно по роду службы общаетесь с представительницами древнейшей профессии. Мне бы хотелось, чтобы вы дали им характеристику с точки зрения профессионала.

— Среди несовершеннолетних — а их 20 процентов от общего числа — это в основном девочки из интернатов, 14–15 лет. Попадают и 12-летние, но их единицы. Основная часть проститутки — в возрасте от 16 до 25 лет. По национальности — приблизительно пополам, казашки и русские. По социальному составу: 70 процентов приезжих из районов области и 30 — саратовские, 70 же процентов проститутки нигде не работают и не учатся, остальные 30 — учащиеся ПТУ, техникумов и даже вузов.

— А причины, заставляющие девушек идти на панель? Особенно учащихся?

Ирина Макарова

НЕТ ПРОБЛЕМ В ОБЩЕСТВЕ БОЛЕЕ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ, ЧЕМ ЖЕНСКИЕ

Так, по крайней мере, полагают представители региональной печати

После тщательно проведенного исследования, предметом которого стало освещение женской проблематики в региональной прессе (за пример были взяты газеты: «Саратовские вести» — ежедневная; «Саратов» — ежедневная; «Вечерняя Казань» — ежедневная и уфимский еженедельник «Воскресная газета» за три месяца 1997 года), приходится констатировать печальный факт. Женской теме как постоянной в четырех названных газетах нет вообще. Нет и объединяющей эту проблематику рубрики, нет какой-то определенной стратегии в ее освещении. Подавляющее большинство материалов единичны и носят случайный характер — просто подвернулась выигрившая тема. Редкое исключение составляют постоянные, но хаотично появляющиеся рубрики типа «Дамский клуб» («Саратовские вести»), повествующие о причудах современной моды, причесок и макияжа. Да и сама женская тема в этих изданиях фигурирует не как самостоятельное освещение или исследование конкретных вопросов женской проблематики, а, скорее, благодаря героиням публикаций.

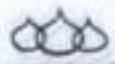
— У этих причина одна — нехватка денег. Мол, стипендии не хватает, а одеваться хорошо хочется и поселиться хочется. Остальные же жалуются на нужду. Но, позвольте, нынче же не времена Достоевского, когда Сонечка Мармеладова вынуждена была зарабатывать себе и своей семье на пропитание таким способом! Сейчас работу найти можно, на то у нас и биржа труда, и даже молодежная биржа труда работает. Не хотят. Мало платят. А так средняя проститутка за месяц зарабатывает до тысячи долларов. Но мне кажется, причина у многих одна — им это занятие нравится. Ну, к чему, скажите, девочке из хорошей обеспеченной семьи ложиться под каждого клиента? Что бы она мне там ни говорила, я по глазам вижу — нравится. Очень немногие занимаются этим действительно от безвыходности — детей не на что кормить, — но таких единицы. А есть и несколько замужних женщин, мужья которых в курсе занятий своих супружниц, только глаза на это закрывают. И это не просто отвратительно это страшно.

— Алла Георгиевна, вы занимаетесь мужской профессией, тяжелой, требующей колоссальной отдачи, неимоверных моральных и физических затрат. Как вы себя чувствуете на этой работе?

— Если честно говорить — почти невыносимо трудно. Во-первых, приходится очень много времени уделять работе. Когда бизнесмены жалуются, что в их жизни существует только работа, я им мысленно отвечаю: зато и зарабатываете соответственно. Мы же — бюджетная сфера, а она, как известно, бедная. Зато задач, которые мы должны решить, невпроворот. В то время, когда у других людей выходные или праздники, у нас, работников милиции, — самая напряженная пора. Во-вторых, в нашем управлении я единственная женщина-начальник, остальные — мужчины. И они этот факт стараются учитывать и меня по возможности беречь. То есть ограждать меня от суточных дежурств, когда возможно, подменять. Но и особых поблажек тоже нет. Например, во время выборов мы должны все без исключения охранять избирательные пункты — что ж, я вместе со всеми получаю оружие, рацию и одна охочу в ночь. Но знаете, мне подчас и не нужны эти поблажки, поскольку ряд некоторых вещей я могу сделать лучше, нежели мужчина. Одно угнетает — мало времени остается на семью, на домашние дела. Но тут уж меня подстраховывает сын, который вырос в милицмейской семье и прекрасно все понимает.

Выигрившими темами во всех упомянутых газетах, по мнению их редакций, в данном вопросе являются культура и криминал, как более занимающие внимание современного российского общества. Если следовать старинной формуле «Хлеба и зрелищ!», то читателей региональных печатных изданий больше интересует второе. Всем интересна жизнь звезд (предпочтительнее — столичных, лица которых благодаря телевидению уже стали знакомыми, нежели местных, знакомых лишь единицам — патриотам своей «малой» родины), и остро возбуждающее любопытство вызывают публикации с криминальным сюжетом.

Что касается первой темы, то во всех четырех изданиях она является преобладающей. Например, из 35 материалов на женскую тему, опубликованных за три месяца в «Вечерней Казани», треть (11) посвящены вопросам культуры, и лишь треть от этой трети — касались местных событий. Газета «Саратов», в свою очередь, посвятила культурной тематике всего 9 материалов из 37 опубликованных, причем лишь два из них повествуют об актрисах местных театров; кстати, эти интервью как раз гораздо интереснее столичных, поскольку в них больше искренности и меньше клишированных ответов. В «Саратовских вестях» — всего 7 таких материалов (из 24) и три из них — на местном опыте. С «Воскресной газетой» из города Уфы разобраться просто немисливо, поскольку сложно определить не только темы, но и

жанры предлагаемых публикаций; в основном это некий суррогат, переработанная квинтэссенция того, что уже появлялось в других изданиях, преимущественно столичных.

Зато криминальная тема во всех этих газетах — всем темам тема! Чего стоят одни только рубрики (например, «Волосы дыбом» в «Вечерней Казани») и заголовки («Мамы-душегубы» в «Саратовских вестях» или «Мать утопила троих детей в ванне» в той же «Вечерней Казани»)! Естественно, что женщина в роли чудовища возбуждает любопытство читающей публики куда больше, нежели мужчина-монстр, однако печально сознавать, что в большинстве случаев женщина-преступница служит всего-навсего приманкой для читателя, а сам журналист стремится более к описательству ужасов, чем к исследованию причин, эти ужасы породивших. Например, в материале «В Узбекистане ее ждала бы смертная казнь» (газета «Саратов») затронуто сразу несколько вопросов, оставшихся без ответов: учительница средней школы занималась перевозкой и сбытом наркотиков (кому? — тем же подросткам, которые могли бы быть ее учениками; почему? — нечем было кормить собственных троих детей), а на «дело» ее отправил муж, оставшийся присматривать за чадами в отсутствие матери. Понятно, что за подобное преступление наказание должно быть жестким, но вместе с тем почему-то моральный спрос с доведенной до отчаяния женщины оказывается гораздо серьезнее, чем с мужчины. Это мне напоминает недавнее «разоблачение» сотрудницы телепрограммы «Времечко» Бориса Соболева, который, спровоцировав доведенную до крайности женщину на продажу собственного ребенка, заснял факт купли-продажи на пленку, а потом сдал преступницу милиции. В погоне за суперсенсацией журналисты все чаще забывают основную заповедь врачей, которую не грех запомнить и им: — не навреди! Ведь бесцеремонное перо журналиста в некоторых ситуациях может оказаться гораздо опаснее неумелого скальпеля.

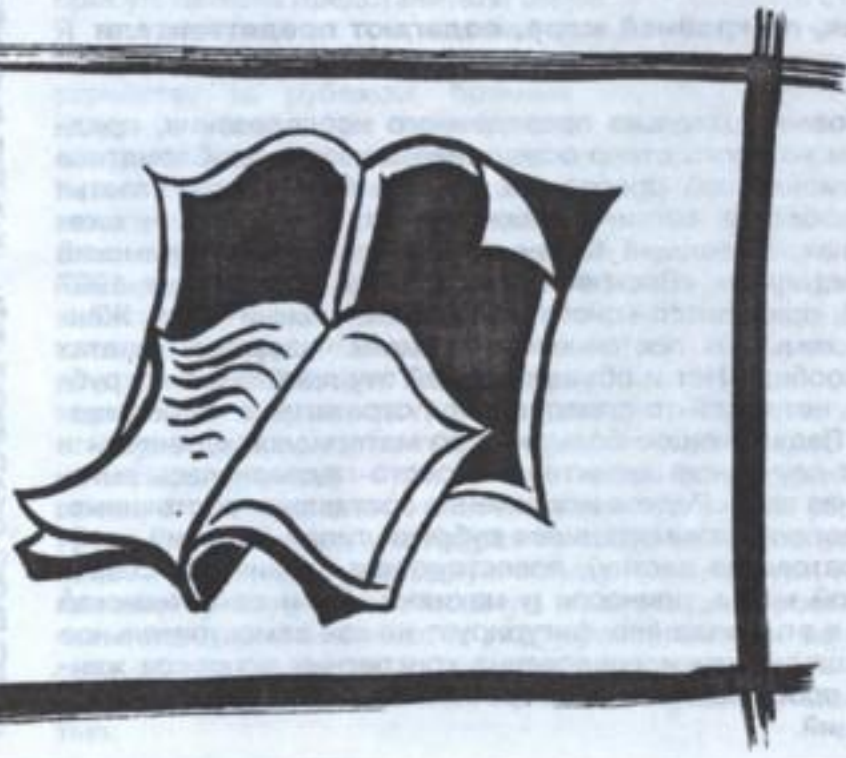
Убедительным подтверждением того, что газеты в регионах не занимаются всерьез женской проблематикой, служит почти полное отсутствие на их страницах темы семьи и брака — основного института каждого общества. Некоторые газеты, касаясь лишь слегка этой важнейшей темы, предпочитают ограничиваться простенькими тестами типа «Уж замуж невтерпех» или «Любите ли вы свою жену?» («Воскресная газета») или же «Кто в семье главный?» («Вечерняя Казань»). До обидного мало материалов на тему семьи и брака и в саратовских изданиях. Например, из четырех опубликованных на эту тему статей в газете «Саратов» лишь одна заслуживает внимания — «Развод — и девичья фамилия», да и та касается самой неприятной стороны супружества. Остальные публикации, как правило, рассказывают о счастливых семейных парах, отметивших 40-, 50-летний юбилей совместной жизни. В «Саратовских вестях» за три месяца опубликовано всего два (!) материала, посвященных этой теме: первый — про семейный детский дом («Семейно по лавкам»), второй — поддержки из дневника последней русской царицы («Жизнь так хрупка»).

Не секрет, что многие региональные издания сегодня являются официальным рупором областных администраций, которыми они финансируются, от которых напрямую зависят. Поэтому тем более странным кажется тот факт, что из обозреваемой нами темы редакциями почти полностью исключены рубрики «Политика», «Общественные движения» и «Религия». Хотя и женщин-политиков, и об-

щественниц, да и сект различного религиозного толка и в Саратове, и в Казни, и в Уфе предостаточно. Еще более странным этот факт полного безразличия к женской проблематике кажется потому, что в «Саратовских вестях», например, все ключевые посты в редакции (редактор, замредактора, заведующие отделами) занимают именно женщины.

Обидно, что из поля зрения журналистов этих изданий совершенно выпал экономический аспект женской темы. Если же и появлялись материалы на эту тему, то лишь связанные с какими-то экономическими нарушениями, совершенными женщинами. Абсолютно исключена благодатная тема, связанная с женщинами-предпринимательницами, женщинами, которые «сами себя сделали». А ведь сегодня женщины России все больше хотят (а может, в силу экономической ситуации — вынуждены) сами осваивать мир и обустроить его. Им легче это сделать именно с помощью экономики. Здесь женщины создают новую реальность. Но процесс этот идет очень непросто. Проблем и препятствий более чем достаточно. Тем не менее, появившись, женские предприятия все более упрочивают себя и свои партнерские отношения, свой стиль ведения бизнеса. Государство, и в том числе средства массовой информации на местах, должно проводить специальную политику содействия таким предприятиям.

Справедливости ради надо сказать, что появлялись действительно любопытные материалы на женскую тему, но они были настолько разрозненными и единичными, не имели продолжения, что читатель очень скоро забывал о них. А кому было бы не интересно прочитать продолжение разговора, начатого в «Вечерней Казани» в статье «Суррогатное материнство»? Или попопозировать с автором публикации «Любовь по принуждению» (там же), поднимающей актуальную проблему сексуального насилия, сексуальных преступлений, оставленных без наказания, жертвах насилия, опозоренных и физически, и морально? Увы, эти темы кажутся местным журналистам настолько невыигрышными и трудоемкими, что они предпочитают скороспелые сенсации упорному и вездливому поиску материала, который был бы интересен не просто кучке любителей «жареного», а широкому кругу читателей.

Психология

Продолжаем публикацию бесед Ирины и Виктора Каган о преодолении стресса. Первая и вторая статьи печатались в № 2 (18) и № 3 (19) 1998 г.

Ирина Каган — социальный педагог Института психотерапии и консультирования «Гармония»
Виктор Каган — профессор, вице-президент Независимой Психиатрической ассоциации России

ПОМОГАЯ ДРУГИМ

Беседа третья

Есть, по крайней мере, три подхода к помощи людям, пережившим стресс и страдающим от постстрессовых расстройств.

Один из них предполагает совершенствование методов помощи: поиск новых лекарств и методов лекарственного лечения, разработку психотерапевтических методов, организацию специальных мест для помощи — кабинетов, клиник, санаториев, реабилитационных центров и т.д. Все это, безусловно, хорошие, разумные и нужные вещи. Не стоит только принимать этот подход за единственно верный и всемогущий, ибо он рассчитан на достаточно явные медицинские проявления и последствия стресса. А мы уже говорили о том, что большинство таких нарушений вызывается во времени. Есть очень серьезные и доказательные свидетельства того, что вклад самой стрессовой травмы в развитие постстрессовых расстройств составляет примерно 40%, а остальные 60% обязаны адаптационному напряжению — тому, как люди приспосабливаются к жизни после перенесенного стресса. Как раз на это ориентированы два других подхода, которые обращаются к помощи в жизненной адаптации после перенесенного стресса. Социальная поддержка направлена, в широком плане говоря, на то, чтобы помочь человеку удержаться на плаву в жизни, то есть иметь некий прожиточный минимум — жилье и работу прежде всего. Психологическая поддержка, которая нас, собственно, и интересует, направлена на иную цель — помощь в такой проработке опыта, порожденного самой стрессовой травмой и трудностями приспособления к жизни после нее, которая позволяет чувствовать себя в единстве с самим собой и другими людьми, реализовывать свои возможности и развиваться как личность.

Эти три стороны — медицинская, социальная и психологическая — образуют «треугольник помощи», своего рода тройственный союз, который тем успешнее и эффективнее, чем больше его участники осознают себя как союз и умеют не «тянуть одеяло на себя» или «переводить стрелки», а распределять и при необходимости гибко перераспределять усилия. Любая попытка проигнорировать одну из сторон, что называется, выходит боком. Вместе с Е.Креславским нам довелось в 1994–1995 гг. работать с группой ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС из Тольятти. Все они выезжали на временную работу далеко не сразу после аварии и не в ее эпицентр и возвращались домой, лишь немногие из них подверглись интенсивному воздействию радиации, по возвращении они были под постоянным наблюдением и получали необходимую медицинскую и реабилитационную помощь. Если сравнить с большинством, эта группа не только подверглась менее интенсивному стрессу, но и была хорошим исключением из дурного правила «заброшенности», по которому у нас строится отношение не только к чернобыльским ликвидаторам, но и ко всем «использованным» людям вообще — участникам войн в Афганистане и Чечне, например. Социальная и медицинская стороны «треугольника помощи» были вполне на высоте, а вот о душе как-то забыли: жив, в своем доме со своей семьей,

работаешь, лечат — чего еще надо? Использование специально разработанного нами опросника удивило даже нас, хотя что-то подобное мы как раз и предполагали — он показал, что за 5–8 лет после участия в ликвидаторских работах психологическое и психосоматическое состояние большинства обследованных значительно ухудшилось.

В этом году мы с Еленой Ларионовой проводим в Новочеркасске инициированную М.Е.Салье и поддержанную фондом Дж.Сороса программу «Очищение войны». Цель этой программы — подготовить людей к взаимопомощи при связанных с войной стрессовых расстройствах. В наших группах уже демобилизованные и продолжающие служить участники войны в Чечне, потерявшие мужей и сыновей российские и чеченские женщины — подавляющее большинство из них страдает от постстрессовых расстройств. Мы не лечим и не выдаем пособия. Мы лишь обращаемся к опыту, переживаниям и душевным ресурсам людей. В начале работы с первой группой один из участников сказал: «Зачем бередишь раны? Я и так не могу об этом забыть». В конце потерявшая мужа чеченская женщина — очень сдержанная и немногословная — написала: «Мне было интересно наблюдать, как я изменяюсь как внутри, так и внешне... я раскрывала в себе те чувства, которые, мне казалось, умерли во мне. Удивительно то, что, приезжая сюда, я думала, что буду тосковать по детям, но я забыла о них, и уже сама была здесь ребенком, который ждет от жизни самого прекрасного». Приятно, конечно, было бы думать, что это мы с Еленой дали — как в клювики вложили — участникам, но на самом деле это они сами дали друг другу. Дали тем способом давания, при котором каждый получает уж никак не меньше, чем отдал. Тем способом, который всегда с нами — здесь — и — сейчас, независимо от того, поддерживает нас государство или манипулирует нами, честно с нами или бессовестно обманывает, помогает подняться при падении или считает, что может двигаться по телам тех, кто упал и сам не смог отжаться.

Кто эту работу может делать? Да в первую очередь те, кто оказывается рядом с пережившим стресс человеком, — а это, как правило, не психологи и психиатры, а семья, родственники, друзья, соседи, члены неформальных групп. Одним словом, не профессионалы. В США, например, где общинные начала жизни сильнее и психологическая культура куда как выше, это достаточно давно не составляет проблемы. У нас в массовом сознании психология — это что-то между психиатрией и душевными примочками для слабонервных хлюпиков и истеричных дамочек (в тоталитарных культурах психология, заметим, вообще не в чести), — нам приходится учиться психологической взаимопомощи, едва ли не с нуля начиная и осваивая те способы, которыми ее можно оказывать.

Способы, в общем, не сложны — о них чуть ниже. А вот воспользоваться ими бывает порой сложно — потому что очень легко попасться в ловушку собственных чувств, из которой помочь трудно, а навредить — запросто. Имя этой ловушки — страх. Он темный, глубокий и многоликий. Его трудно узнать в лицо и сознаться себе в нем. Нередко он маскируется под сочувствие, заботу, любовь, проникнутость чужой болью. Распознать под их личинами сам страх бывает нелегко. Но знаком его присутствия обычно является стремление «разрубить узел одним ударом» или действовать вместо человека или вместе с ним — как с маленьким ребенком, за которого мы несем абсолютную ответственность, а сам он ничего не может. Откуда этот страх берется и как он мешает действенной помощи?

Давайте попытаемся посмотреть, как в замедленном кино, достаточно банальный эпизод, не раз случавшийся в жизни каждого. Вот вы идете по улице и вдруг видите слепого человека со страшными, уродующими лицо следами ожога. Что вы чувствуете в этот миг — еще до того, как что-то сделаете: поможете перейти дорогу или вдруг заторопитесь мимо? Вот если этот миг растянуть и посмотреть подробно? Обычно это глубочайший страх («Это и со мной могло случиться»), сменяющийся удовлетворением («Слава Богу, не со мной») и лишь затем — действием. Есть в психологическом тренинге такое упражне-

ние — «Слепой и поводырь»: один человек с завязанными глазами играет роль слепого, а другой — поводырь — должен без слов познакомить его с окружающим миром. Все здесь как бы понарошку — и благодаря этому очень всеерьезно. В каждой группе непременно находится несколько поводырей, которые таскают своих подопечных как кукол — чуть ли не на себе. Когда спрашиваешь их — зачем, они часто говорят о том, как это страшно — быть слепым и как они старались оберегать своих подопечных. Другие же, оказавшись с завязанными глазами, вдруг обнаруживают в мире что-то — звуки, запахи, движения воздуха, ощущения прикосновений и т.д., чего не замечают обычно. Им не страшно — им интересно. Становясь поводырями, они обычно дают достаточно свободы своим подопечным — вплоть до нахождения просто рядом, «на подхвате». Когда слушаешь «слепых», то совершенно закономерно обнаруживается одна вещь: «таскаемые» недовольны и раздражены, не обнаружили для себя ничего интересного и чувствуют себя неудобно, тогда как «сопровожаемые» узнают что-то новое, перестают испытывать страх — даже если он был вначале, признательны своим поводырям.

Мы недаром выбрали такую модель, ибо она очень близка к тому, что происходит при стрессовых расстройствах, при которых разного рода симптомы тяжелы не просто и не только сами по себе, но и потому, что они оказываются знаком утраты контроля над собственной жизнью и закономерным при этом снижением самоуважения, принятием самого себя. Это показано в таблице.

УТРАТЫ	ЧУВСТВА	ПОВЕДЕНИЕ
Дома, супруга, членов семьи, друзей, свободы, независимости, здоровья, работы, способностей	Гнев, раздражение, подавленность, депрессия, беспомощность, одиночество	Требования, конфликтность, агрессия, уход в одиночество, наркотики, секс, игру и т.д.
Чем больше утрат и чем они тяжелее — тем меньше ценность, значимость человека для самого себя	Эти чувства вызваны причиненной травмой, болью или угрозой переживанию собственной значимости, ценности	Попытки защититься от причиняемой чувствами душевной боли, забыться, «доказать» свою значимость
ОЩУЩЕНИЕ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ИЛИ УТРАТЫ КОНТРОЛЯ СВОЕЙ ЖИЗНИ И СНИЖЕНИЕ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ, ЦЕННОСТИ		

Движимые неосознаваемым страхом сверхзабота и сверхопека лишь подтверждают в восприятии того, кому таким образом помогают, его неспособность справиться самому, неполноценность, зависимость. У одних людей это вызывает чувство протеста и стремление избавиться от «помощи», у других приводит к своеобразной инфантилизации — западению в роль ребенка, который и шагу без помогающего ступить не может.

Другой вариант «ловушки страха» — неосознаваемая защита от него путем рационализаций: жизнь вообще трудная штука — всем плохо и трудно; сам виноват — не так место для жизни выбрал, не туда пошел, не так себя вел и т.д.; все просто, а он просто слаб или не хочет преодолеть свои эмоции; я тебя воевать не посылал — ты сам пошел... Несть числа таким рационализациям. Кажется, такой человек вообще не помощник. Но если приглядеться, то как раз такие негативные рационализации нетрудно обнаружить за раздвиганием «единственно верных» безапелляционных советов типа «держи себя в руках», «не драматизируй», «посмотри на других», «напряги волю» и проч.

У «сверхзаботливых» позже, у «рационализаторов» раньше — возникает раздражение: как же, я тебе помогаю — вон как расстарался, чего только для тебя не делал, каких только замечательных советов не давал, а ты?! Раздражение это, по существу, неизбежно, если вспомнить,

что оба подхода стремятся не человеку помочь, а восстановить вызываемую чужими несчастьем и болью волну собственного страха.

В любом случае отметим главное: человек нуждается прежде всего в восстановлении контроля за своей жизнью и чувства своей значимости, ценности. А стало быть, я, если хочу ему помочь, должен принимать его и доверять ему — принимать таким, каков он есть, и верить, что он в состоянии и без меня справиться со своими проблемами, а во мне нуждается лишь как в помощнике. Не он мне помогает его лечить, а я ему помогаю совладать с его болью и проблемами, вновь поверить в себя, обрести возможность совершать свободные и ответственные жизненные выборы.

Что можно и стоит делать, чтобы помочь человеку повысить уровень самоуважения? Стараться использовать все возможности поддерживать у человека конструктивные действия, мысли и установки. В доступной для человека и принимаемой им манере говорить ему о том (словами и поведением), почему и в чем вы считаете его значительным и состоятельным как личность. Помогать человеку делиться своими чувствами и искренне и заботливо отвечать на его ожидания поддержки.

Что можно и стоит делать, чтобы человек, которому вы помогаете, мог становиться уверенным в себе и своих способностях? Помогать и создавать возможности для доверять другим и быть уверенным в себе. Воспринимать неповторимость, уникальность человека, которому вы помогаете («Не сравнивай — живущий не сравним» — заметил О.Мандельштам), — каждый переживает и имеет право переживать случившееся на свой лад, как может. Поддерживать у человека стремление к поиску новых возможностей, а не залипание на привычных безопасных способах жизни или разного рода уходах от жизни (в самооглушение, изоляцию, пьянство и т.д.). Стремиться помочь людям принимать ответственность за себя и свою жизнь.

Если все это высказать человеку открытым текстом как его задачи, которые он должен выполнить, то, скорее всего, он предпочтет больше вашей помощью не пользоваться. Такая лобовая атака — камень на пути общения. Существуют и другие камни:

Указания, распоряжения	Вы говорите человеку, что ему делать, ограничивая или отвергая его собственный выбор.
Предостережения, угрозы	Вы говорите человеку, что, если он будет делать то-то или так-то, это повлечет за собой плохие последствия.
Морализирование, назидания	Вы говорите человеку, что ему следует делать это и так потому, что это хорошо, правильно или нравственно, и не делать то-то и так-то потому, что это плохо, неправильно или безнравственно, аморально.
Доказательства, убеждения	Попытки изменить мнение человека или переубедить его, обращаясь к информации и логике.
Советы, рекомендации	Предоставление готовых ответов на проблемы.
Оценивание, критика	Негативные толкования поведения человека.
Похвала*	Позитивная оценка поведения человека.
Поддержка, симпатия*	Попытка говорить с человеком вне поля его актуальных чувств или отрицать то, что человек чувствует.
Диагностика	Анализ поведения человека и сообщение ему результатов этого анализа.
Уход, обход	Смена предмета разговора или молчание по поводу предъявленной проблемы.
Обман, поглаживания*	Избегание обсуждения проблемы путем шуток и приукрашивания ситуации

Отмеченные звездочкой «камни» вроде и не «камни» вовсе. Однако любая оценка поведения другого человека ставит вас над ним (или, если угодно, его — в положение ребенка или подчиненного, которому родитель или начальник вправе давать оценки); поддержка, выражающаяся в переводах беседы «на приятное», замалчивании неприятного или высочивания, сентенциях типа «да тебе это просто кажется» и т.д. воспринимаются как неприятие и непонимание.

Речь вообще достаточно тонкий и точный инструмент. В помогающем общении очень важно контролировать не только то, что вы хотите сказать, но и то, как это воспринимается другим:

1. Использование слова «мы» вместо «я» воспринимается чаще всего как попытка защититься от собственной неуверенности.

2. Когда, выражая свою точку зрения, вы используете слова «некоторые», «люди» (особенно при общении в группе), это заставляет насторожиться — а не меня имеют в виду? («Некоторые думают, что горе можно водкой залить»).

3. Выражения «я чувствую» при изложении ваших мыслей и «я думаю» — в разговоре о чувствах («Я чувствую, что вы заблуждаетесь»... «Я думаю, я бы просто расстался») выдают вашу собственную раздвоенность и неуверенность.

4. Подмена утверждений вопросами («Не думаете ли вы, что сегодня мы обсудили уже достаточно много?» вместо «На этом мы сегодня закончим») и вопросов утверждениями («Вам давно пора бы рассказать» вместо «Не хотите ли вы рассказать?») представляют вас как манипулятора: в первом случае — перекладывающего ответственность на другого, а во втором — диктующего, подавляющего. Тут важно не то — утвердительными или вопросительными фразами пользоваться, а соответствует ли форма высказывания вашему действительному намерению.

1. Ответ вопросом на вопрос («Послушай, а я не схожу с ума?» — «А зачем тебе это знать?», ставят вас в положение то скрывающего правду, то сверхподозрительного следователя.

2. Акцент на «ты» вместо «я» ставит собеседника в положение обвиняемого («Вы заставляете меня страдать» вместо «Я страдаю»).

3. Слова «всегда», «никогда», «естественно», «очевидно» для поддержки собственной точки зрения превращают вас из помощника в обвинителя, а слушателя ставят в положение нарушителя («Совершенно очевидно и естественно, что люди не должны...»).

4. Как бы вы ни были вовлечены в беседу, перебивать — значит сигнализировать, что вы на самом деле не слушаете. Думать человек может со скоростью 1000–2000, а говорить — со скоростью 100–400 слов в минуту. Поскольку скорость слушания в 5–10 раз выше скорости речи, слушающий часто уносится в собственные мысли или забегает вперед говорящего, а стало быть — не слушает его.

5. Вопрос «почему?» в подавляющем большинстве случаев содержит в себе оттенок осуждения — мы никогда не спрашиваем, почему кто-то поступил так хорошо. Гораздо удачнее вопрос «зачем?» — тем более что он обращен к актуальным намерениям, а не к прошлому и причинам, которые людям далеко не всегда ясны и понятны.

6. Люди не нуждаются в вашей оценке их как хороших или плохих, умных или глупых — поддерживающим может быть позитивное восприятие продуктивных установок и поступков.

7. А.П.Чехов изложил шуточные рекомендации для тех, кто хочет быть оптимистом, например: «Если у тебя в кармане загорелись спички, радуйся, что там не пороховой погреб». Но в работе со стрессом это едва ли уместный способ. Человек остро переживает случившееся — это для него сейчас важнее всего, и любые попытки обесценить его ситуацию или переживания воспринимаются как отталкивание. Точно так же не стоит в период, когда человеку плохо, уверять его, что все будет хорошо.

8. Не говорите, будто вы знаете, что собеседник переживает. Вы этого не знаете. Чаще всего такие высказывания помогают не другому, а вам уменьшить вашу собственную тревогу, возникающую как эмоциональный ответ на случившееся с ним.

9. Постарайтесь не действовать так, будто вы и только вы, знаете и умеете все на свете, даже если вы думаете, что это так. Представьте, кем себя чувствует ваш собеседник, сидя перед таким гигантом.

В помогающей беседе могут быть полезны некоторые вполне определенные приемы, которые можно потренировать в самой обычной повседневной жизни. Их не стоит абсолютизировать и превращать в заезженную пластинку равнодушно исполняемых навыков, но «ко времени и к месту» они очень эффективны.

«Я — послание» — это когда вы говорите о своих чувствах и переживаниях, а не о том в поведении другого, что эти чувства и переживания вызвало. Например: «Я ужасно голоден» вместо «Можешь ты когда-нибудь обед вовремя приготовить?!», «Я так волновалась за тебя» вместо «Где ты, паразит, вечно шляешься?», «Я так горжусь твоими хорошими отметками» вместо «У всех дети как дети, а у меня тупица».

«Отражение». Когда вы хотите показать, что слышите и понимаете чувства другого, можно просто сказать: «Вы выглядели несколько смущенным, тем что...» или «Я чувствую ваше волнение».

«Повторение». Оно показывает, что вы слышите сказанное, и вместе с тем позволяет человеку услышать сказанное им со стороны.

«Перефразирование». Этот прием уместен, когда вы хотите что-то уточнить: «Иначе говоря... другими словами... вы говорите, что...». Этой же цели служит и вопрос: «Правильно ли я понимаю, что...?»

«Обобщение». Хорошо работает вместе с предыдущим приемом, когда необходимо объединить прозвучавшие в разные моменты беседы мысли и чувства: «Если я верно вас понимаю, вы чувствуете, что...»

Избегая «каменей» и используя перечисленные и другие приемы (сейчас, например, много книг по так называемому невербальному общению, то есть использованию тона, интонаций, громкости голоса, расстояния между собеседниками, поз, жестов в качестве языков общения), вы сможете «встроиться» в помощь пережившим стрессовую травму. У нее тоже есть некоторые свои правила.

Если человек говорит о событиях и деталях травмы — слушайте. Но нет никакого смысла расспрашивать о них. Важнее понять и помочь ему понять, что это для него

значило и значит, какие чувства вызывает.

Поощряйте человека к беседе о его чувствах и переживаниях. Они бывают очень болезненны, люди часто избегают говорить о них, вновь и вновь возвращаясь к реальным событиям. Но вы как их помощник чувствуете и понимаете, что таким образом они лишь пытаются разобраться в вихре своих переживаний, уходя от самих переживаний. Кроме того, стрессовое событие уже позади: для человека мучительно не оно, а его последствия и — особенно — переживания. Когда они очень сильны, переполняют и захватывают, их трудно выразить и трудно установить связи событий и переживаний, хотя для совладания со стрессом это неосуществимо важно.

Существует такой миф, что мужчины справляются со стрессом лучше женщин. Мужчинам нередко труднее выражать свои чувства, они могут подавлять их, «загонять внутрь», но это отнюдь не значит, что их нет или они слабее.

Стрессовые переживания — это нормальные переживания ненормальной ситуации. Напоминайте об этом тем, кому помогаете. Для них это очень важно.

Не бойтесь говорить о своих чувствах и сожалении о том, что случилось с человеком. Это помогает ему принять вас как помогающее лицо, а вам — не делать себя заложником тягостных чувств.

У каждого человека есть свое понимание и свое представление о том, почему так случилось. Ваше мнение может быть совершенно иным, но не стоит его навязывать. Если человек считает, что его Бог так наказал, нет смысла навязывать ему материалистические взгляды на причинно-следственные отношения.

Будьте готовы вообще не говорить. Бывают такие моменты в помогающем общении, когда достаточно просто побыть вместе с человеком и молчание дороже слов.

Постарайтесь не проецировать ваши собственные чувства на происшедшее и происходящее с другим. Каждый переживает то, что с ним случается, по-своему. Но каждый по-своему пытается и помогать себе. Понимание того, как он это делает, может решающим образом определять вашу помощь.

Не бойтесь спрашивать, как человек справляется с травмой. Как правило, люди остро нуждаются в выражении этого своего опыта, а ложная деликатность и страх задавать вопросы оставляют его наедине со своей болью. Одному из нас не так давно пришлось консультировать в детской психиатрической больнице мальчика 12 лет. За год его сиротства и испытания интернатами после смерти матери ни один человек не нашел нужным или не решился коснуться в разговоре смерти матери. Когда я

спросил его об этом, он буквально потянулся ко мне и сказал, что ему так нужно было с кем-нибудь об этом поговорить...

Не составляйте никаких «планов работы» — оставьте это профессионалам, если их помощь понадобится.

Запретите себе любые попытки морализирования. Никто не нуждается в чтении морали. Сколько раз приходится слышать о том, как едва разговаривавшие о своем военном опыте и услышавшие в ответ: «Да как же ты мог?!» участники войны закрываются — и теперь уже надолго, если не навсегда.

Полезно помнить и о себе, охраняясь от душевного выгорания.

Помогая жертве стрессовой травмы, которая вас самих не коснулась, вы можете оказаться вовлеченными в мощное эмоциональное поле и оказаться со-жертвой, испытывать наведенный или вторичный стресс. Поэтому говорите вашим друзьям и близким о ваших чувствах, о возможно возникающих необычных физических ощущениях и т.д. Возможно даже, что вам на каком-то этапе помогающей работы потребуются вернуться к нашей прошлой статье о самопомощи или встретиться с профессиональным психологом для того, чтобы проработать возникшие у вас переживания. В этом нет ничего страшного.

Если человек, которому вы помогаете, просит вас о более глубокой помощи — например, помочь ему установить контакт с психологом или психиатром, помогите ему сделать это. Он не пытается обидеть вас или выразить вам недоверие, а трезво оценивает свое состояние. Уже само по себе это хороший результат вашей работы.

Что дают эти все усилия? Разворачиваясь гораздо раньше, чем на помощь могут прийти профессионалы, и в отношениях с очень значимыми людьми (семьей, друзьями и т.д.), они помогают адаптироваться к жизни после стрессовой травмы так, чтобы потребность в помощи профессионалов в последующем была минимальной. Именно это — наше помогающее внимание друг к другу, а не профессиональные меры — и является передовой линией борьбы со стрессом. А госпитали и санатории, как известно, на передовой не располагаются — их место в более или менее глубоком тылу.

Чем раньше и лучше мы поможем друг другу совладать со стрессом, тем меньше вероятность расстройств, которые потребуют помощи психолога — психотерапевта — психиатра. Эта вроде бы банальная, но огорчительно часто забываемая вещь замечательно реализована в процедуре дебрифинга, родившегося в 1970-х годах в США в военной практике. В первые сутки после стрессового события его участники собираются вместе и с помощью подготовленных ведущих обсуждают происшедшее, связанные с ним переживания и опыт. Это могут быть полицейские после опасной операции, пожарные после выезда на тяжелый пожар, освобожденные заложники, жертвы стихийного бедствия, группа работающих в очаге катастрофы медиков и т.д. Цель — в обстановке конфиденциальности и взаимной поддержки упорядочить пережитый опыт событий и переживаний — разложить его по полочкам так, чтобы в доме души восстановился поддерживающий жизнь порядок. В нашей культуре это пока не принято — все кажется, что до сих пор обходились без этого и дальше обойдемся. А жаль, потому что без многого можно обходиться, но это как-то не улучшает жизнь. Впрочем, каждый решает для себя сам...

Конечно, хотелось бы жизни без тяжелых стрессов. Но Бог нам такой жизни не обещал, что подтверждают вся история человечества и собственный опыт каждого. Вопрос лишь в том, хотим ли мы построить наши отношения со стрессом так, чтобы он нас как минимум не разрушал, а как максимум — закалял, делал более стойкими и мудрыми? Хотим ли мы помочь в этом другим? Можем — это точно. Но хотим ли?

Мелочи жизни

Наталья Арт

КАК Я ВЫХОДИЛА ЗАМУЖ ПО АМЕРИКАНСКИМ РЕЦЕПТАМ

Русский триллер с использованием западных рекомендаций, высаженных на российскую почву

Мечта и воля

Я с детства мечтала выйти замуж за красивого и мужественного человека, похожего на моего двоюродного брата-моряка: когда мы с ним шли по улицам, на меня, несмотря на мое тогдашнее малолетство, женщины бросали завистливые взгляды, а мой мужчина был очень хорош — в белых штанах, в голубой матроске и — о счастье! — счастье и ужас! — с настоящим кортиком. Но годы шли, а матросы на моем пути больше не попадались, и я скрепя сердцем закрыв наглухо дверь воспоминаний, за которой скрывалась пятнадцатилетняя девочка-видение с шикарным мужчиной в белых штанах и при холодном оружии, решила: буду брать, что дают!

Настоящие мужчины всегда дефицит, а дефицит, как известно, подчиняется этому советскому правилу: бери, что дают! Однако надо действовать по науке — и тут мне очень пригодилось пособие Маргарет Кент «Как выйти замуж». По словам этой великой американки, все мужчины во всем мире одинаковы и очень похожи на животных, поэтому стоит вам приучить (или приручить) и обкатать одного, как все другие просто пойдут за вами косяком. Ну все равно как дельфины. Книга, надо сказать, прежде чем попасть мне в руки, уже была издана в 18 (!) странах и везде срабатывало — так чем же наши мужички хуже доверчивых американских дельфинов? А если к ним грамотно и с любовью подойти (только лаской! и ни каких разговоров о деньгах!) да еще перед этим как следует накормить (это я уже сама догадалась — иначе никакое животное не приручишь), то можно действительно, чем черт не шутит, выйти замуж! Трепетно изучив беспримысливую западную методику, я приступила к ее высаживанию на нашу российскую почву — и начался мой триллер! Забегая вперед, скажу, что теперь я лично сомневаюсь и в беспорных рекомендациях МВФ для России (хотя деньги — это совсем другой роман!). Русская самоубийственность — это тот особый случай, когда мало способны помочь западные эксперты, будь то всем известный в России Мишель Камюссю или известная всем женщинам Маргарет Кент. Но взялась выходить замуж по науке — и ничто не в силах меня остановить.

Михалыч из «ящика»

Знают ли на Диком Западе, что у нас секретные заведения назывались «ящиком»? Именно в «ящиках» и работали самые светлые умы и интеллигентные люди, ни на что больше не способные в жизни, как изобретать секреты — военные, космические, медицинские и проч. Поскольку вместе с Маргарет Кент моей бесхозной и безлошадной судьбой занималась еще подруга Катя, я могла быть спокойна за избранника. Однажды Катя явилась ко мне суровой и решительная, как тень отца Гамлета (росточком они были похожи, только Катя явилась без плаща и шпаги), и, отобрав у меня бессмертную книгу Маргарет Кент «Как выйти замуж», где я как раз читала главу о том, как надо интеллигентно разговаривать с интеллигентными людьми, заявила:

— Завтра придешь ко мне в гости и познакомишься с Михалычем. Поскольку эквивалента в этой жизни тебе не найти (тут я снова вспомнила ослепительного брата-матроска!), будем брать Михалыча, потому что тебе, дура, надо устраивать личную жизнь! Так что слушай и молчи!

Между прочим, то же самое твердила мне со страниц книги великая Маргоша: «Сделайте так, чтобы он говорил с вами, будто сам с собой». Катя дополнила Маргошу русскими деталями:

— Михалыч — человек из «ящика», недавно развелся с женой. Квартира у него хорошая, но посреди комнаты стоит стеллаж с журналами «Знание — сила» за двадцать последних лет. Не вздумай это обсуждать, иначе ты никогда не выйдешь замуж!

Катянина угроза возымела действие, и я, набрав в рот воды (что для меня мука смертельная — молчу я только во сне), отправилась к секретному Михалычу. На свидание секретный Михалыч пришел с секретным портфельчиком — и я тут же разочаровалась: а где же цветы??? Должна сказать, что цветы — истинный бзик российских женщин: они могут ночевать на льдине, жить в шалаше, 30 лет опекать дебильного мужа — и все потому, что он когда-то сообразил подарить три нарцисса! Недавно одна моя знакомая высокопоставленная дама погнала в шею жениха — «нового русского» — только потому, что он 8 Марта вздумал явиться к ней с тонной осетрины вместо букета роз, и этот разрыв уже ничто не в силах восстановить, даже западные бестселлеры. Так вот, как только я хотела и Михалыча погнать в шею, он, секретно осмотревшись (нет ли «хвоста» за ним, известным конструктором летательных аппаратов?), вытащил из секретного портфельчика три полузадушенных нарцисса — и я была совершенно счастлива. Я уже готова была отправиться с ним на льдину, в шалаш, в космос — но Михалыч (в миру Игорь Михайлович, а о фамилии умолчу, а то Запад перекупит) повел меня к себе домой. По дороге он рассказал, что жена у него была стерва, покупала себе какие-то бесконечные кофты и платья (тут я затаилась, ибо сразу обнаружила между собой и стервой опасное сходство), а сама не разрешила Михалычу купить редкой красоты раритет — марку третьего рейха!!!

Всплыло, что мой жених — интересный человек и что помимо работы у него масса интересов: яхта, горы, марки эти проклятые, походы по лесам. Я, грешным делом, обрадовалась — значит, дома он будет бывать редко, и я наконец займусь английским языком и вообще самоусовершенствованием. В коридоре нас встретил круглобокий бочонок — оказалось, бар, впрочем, пустой.

— Бахуса я не допилил, — объяснил секретный жених, указывая на фанерного юношу, лежащего на солдатской койке с недопиленной ногой и в весьма развратной позе, впрочем, плавки ему заменила виноградная кисть на причинном месте. — Вот так и лежит, — объяснил Михалыч, — времени нет им вплотную заняться.

Дома ничем не пахло — видно было, что здесь Михалыча гетеры и амазонки не посещали.

— Будем пить болгарское вино и есть свежие консервы! — объявил Михалыч свою культурную программу.

На стол была с королевской щедростью выставлена бутылка самого дешевого болгарского вина, а консервы при вскрытии слегка зашипели, как шампанское: увидев мой испуг, Михалыч великодушно сказал:

— Да ты не бойся, они свежие, я их еще при Брежневе закладывал!

Поскольку салата не было, в закуску пошел выращенный на окне лук. Все шло по науке — то бишь по книге Маргарет Кент: Михалыч говорил со мной, как с самим собой (так я узнала про маленькую зарплату и интриги завистников на работе, где никто лучше Михалыча не конструирует назло американцам летательные аппараты), а я с сердобольно слушала, с каждой минутой превращаясь в мать Терезу. Посреди огромной комнаты, как тонущий корабль, стоял обещанный Катькой стеллаж с журналами «Знание — сила», и за правым плечом мне почудилось заботливое шипение моего ангела: «Молчи, дура, иначе ты НИКОГДА НЕ ВЫЙДЕШЬ ЗАМУЖ!» Маргоша тоже поддакнула Катьке, велела произносить в затруднительных случаях фразы типа: 1. Какой у вас интересный акцент! 2. Какой у вас замечательный рост! 3. Какой у вас замечательный перстень на пальце — что это за камень? Ни под один из этих мировых стандартов секретный Михалыч из нашего «ящика» не подходил: он говорил по-русски без акцента, ростом был ниже меня (что трудно, но возможно), и никакого перстня у него на пальце близко не было — все-таки он представлял нашу прославленную науку, а не криминальную экономику. Поэтому после второго стакана (граненого, как и положено) меня понесло.

— Какой у вас интересный акцент! — нагло сказала я Михалычу, от чего он сразу затаился. — Про перстень я уже молчу! А чего не выкинуть за окно эту вашу «Знание — силу»? И я тоже стерва, и мне тоже плевать на марки третьего рейха — я хочу жить сейчас, и жить по-человечески!

Михалыч принял это по-своему — что культурная программа кончилась и пора приступать к таинствам любви. Королевским жестом указывая на солдатскую койку, где в непотребной позе с виноградной кистью на причинном месте уже лежал один мужчина, правда фанерный, Михалыч с теплотой сказал:

— Оставайся, а если все будет у нас хорошо — честное слово, я его допилю!

— Нет, — объяснила я Михалычу, — полигамный брак не для меня, да и Маргоша про эту любовь втроем ничего не написала.

И, взяв полузадушенные нарциссы (не пропадать же цветам!), я исчезла из жизни секретного Михалыча, причем сделала это до неприличия быстро.

Вася Проходящий

После этого я твердо решила: все, больше никаких интеллигентов, никаких «ящиков» — в конце концов, и мой любимый брат-матрос никогда им не был, так что не будем отступать от мечты! Когда мы познакомились с Васей, я уже учила наизусть निжеследующую инструкцию Маргарет Кент, имеющую к нашей российской жизни самое прямое отношение:

«Многие женщины хотят иметь кольцо с большим бриллиантом, чтобы похвастаться перед знакомыми. Однако ваш жених может расценить это как проявление жадности...»

Мой?! Да никогда! Вася представился проходчиком, но где, что и когда он проходил, не сказал — чтоб не стала сразу же всю зарплату отнимать, поскольку деньги нужны были Васе на машину. Но деньги меня тогда не

интересовали — это уж потом... покатила! А через неделю после знакомства мы с Васей на Васиной же машине поехали в березовый лес. «Чтоб была гармония!» — как объяснил Вася. Я решила, что он имеет в виду единение с природой, — и не ошиблась: поскольку, кроме облетевших берез и голой земли под ногами, я тоже была частью природы, причем еще одетой. Вася набросился на меня со всей страстью первопроходчика — и я сразу поняла, как трудно ему на работе: женщин там вообще нет, а если и есть, то они являют собой не природные, а лошадиные силы.

— Хочу гармонию! — жарко сказал Вася и стал расстегивать на мне пуговицы новой кофточки, предназначавшейся еще для ловли секретного Михалыча (ибо великая Маргарет Кент определила мужчин как животных: стоит приручить одного — и остальные пойдут сами косяком, как дельфины), и гармония могла случиться в любую минуту, — и тут мне на помощь пришла великая женщина из-за океана.

— Вася, — сказала я кротко, ни на что не претендуя особенное, — если ты мне подаришь завтра кольцо с бриллиантом, я, честное слово, никому не скажу! И даже хвастаться не буду!

Вася помрачнел и медленно меня отпустил. Я сгоряча решила, что он жмот, что ему жалко денег, но я ошиблась.

— Эх, ты! — сказал мне Вася горько. — Первый раз в жизни встретил нормальную женщину, все при ней! Думал: вот она, гармония! — а ты сразу: кольцо с бриллиантом! Не по-русски это как-то, не по-людски. Вроде грамотная, а не знаешь: не носят их сейчас! Не носят! Изумруды сейчас в моде, а изумруды я бы тебе и так подарил!

Я поняла, что все кончилось, что в березовый лес мы больше не поедим и что изумрудов мне тоже не видать, как своих ушей. Вот что значит вовремя, к месту и очень удачно вспомнить западные рекомендации. Нет, не так со мной Маргоше будет легко, как с другими, которых она выдала замуж аж в 18 странах мира. Целый вечер я пила пепси-колу из граненого стакана, кричала в ночь: «Вася, прости! Вернись, я согласна на все, даже на изумруды!» — но Вася Проходящий прошел мимо меня, как положено человеку, проходящему мимо расчетливой стервы. Между прочим, он тоже носил тельняшку.

Марк, но не Цезарь

«Даже хорошо образованный мужчина понимает, что есть много такого, чего он не знает».

Это опять моя сваха, Маргоша, рекомендовала мне, ориентируясь в мужских джунглях, ни в коем случае не скрывать свой интеллект и не принижать его в угоду мужчине, как делают многие недалекие женщины, которые по этой причине НИКОГДА НЕ ВЫЙДУТ ЗАМУЖ.

Марк Абрамович был хорошо образованным человеком, медиком, да к тому же врачом-урологом, что способствовало в нем развитию природной меланхолии. Он сразу сказал мне, что хочет уехать в Израиль, но не хочет уезжать один: на родину предков лучше всего приезжать с женой. Жены были у М.А. и до встречи со мной, но они не соответствовали высоким требованиям исторической родины. Я ей вроде подошла (а это еще трудней, чем понравиться просто свекрови), хотя на прямой вопрос: «Ведь вы тоже еврейка?» я так же прямо и простодушно не ответила: еще неизвестно, какая правда больше огорчит хорошего человека, если

все предыдущие жены-еврейки были... правильно — стервами!

В ответ я посмотрела на Марка Абрамовича глубоким взглядом, в котором читалась тоже вековая скорбь, и по возможности грустно-понимающе улыбнулась, после чего М.А. сказал решительно:

— Я вижу, детка, мы понимаем друг друга. А какое у вас насчет этого КРЕДО?

Будь я поглупее, я бы сморозила что-нибудь вроде: «Мое кредо — выйти замуж!» — и этим навсегда спугнула бы интеллигентного человека. Поэтому я сказала своему новому суженому на чистом римском диалекте:

— Аут Цезарь, аут нихиль!

— Великолепно, — сказал мой уролог, — то, что нужно! А что сие означает?

— Или Цезарь, или ничто, — перевела я ему очень древнюю латынь (на которой, видимо, рецепты не выписывали) и тут же пожаловалась. — Но мне почему-то попадает сплошной нихиль! Только нихиль, сплошной нихиль, как будто ничего другого в мире не водится!

— Разве только вам, детка? — усмехнулся тонко М.А. — Разве вы, детка, не понимаете, что эта страна и эта жизнь — не для вас? Я уже сейчас предлагаю вам: поехали! — а дома я проверю вас по своему словарю, потому что в жизни ничего подобного не слышал: я не мог пропустить такую латынь!

— Или Цезарь, или ничто, — перевела я ему очень древнюю латынь (на которой, видимо, рецепты не выписывали) и тут же пожаловалась. — Но мне почему-то попадает сплошной нихиль! Только нихиль, сплошной нихиль, как будто ничего другого в мире не водится!

— Разве только вам, детка? — усмехнулся тонко М.А. — Разве вы, детка, не понимаете, что эта страна и эта жизнь — не для вас? Я уже сейчас предлагаю вам: поехали! — а дома я проверю вас по своему словарю, потому что в жизни ничего подобного не слышал: я не мог пропустить такую латынь!

— А березы там есть? — глупо спросила я. — Мне нужно, чтоб за моим окном росли березы. Или так: две березы, а клен посредине.

— О чем вы говорите, Боже ж мой! — заволновался М.А. — Весь Израиль проведет субботник и высадит вам столько берез, сколько нужно! Решайтесь!!!

В тот же вечер он мне позвонил:

— Детка, вы правы, как никто! Действительно, «аут Цезарь, аут нихиль» означает именно то, что вы сказали! Я приглашаю вас сегодня же вечером на словарь — а потом мы уедем к черту на рога от любого нихиль!

Слезы благодарности душили меня — меня еще никто в жизни не приглашал «на словарь», что бы это ни означало на самом деле! В койку с Бахусом, под березу — это другое дело, но интим со словарем указывал на оч-чень интеллигентного человека, чей доверчивостью всего из-за одной фразы я воспользоваться не смогла! К тому же на земле обетованной березы не росли, насчет субботника М.А. явно погорячился (кто бы ему там разрешил проводить субботник в Субботу?! — и, глотая слезы, я сказала:

— Пишите, если там у вас будут проблемы с латынью, но я без берез не могу!!! Аут Цезарь, аут нихиль!

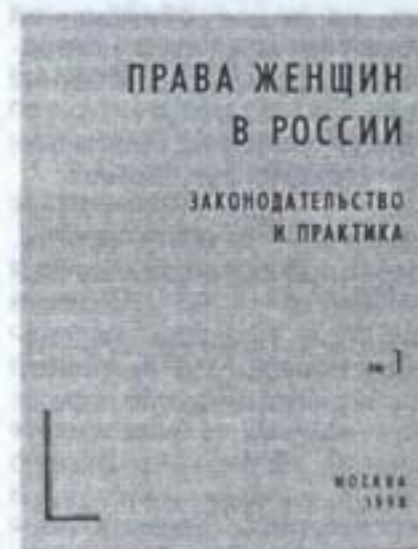
Замуж я в конце концов вышла — и очень просто. Есть такой сугубо российский способ, опробованный еще реформатором Петром Первым и не знакомый западным экспертам, поскольку был проверен на картошке, впервые завезенной в Россию, — я просто сказала своему избраннику волшебную русскую фразу: «Я НИКОГДА за тебя не выйду замуж!» И все: он тут же взъярился (как?! ему отказано?!), завелся — и каждую неделю заискивающим голосом предлагал мне руку и сердце, пока я наконец не согласилась. Бедняга подписал себе приговор, поскольку я даже в страшном сне не напоминаю мать Терезу, но замуж я вышла, а великая Маргоша об этом российском способе ни черта не знает. А наемни на одной конференции мне приглянулся высокий, симпатичный, с кольцом на пальце натовский генерал, который доходчиво объяснял россиянам, почему 600 маленьких, но американских бомбочек лучше, чем одна, но российская противопехотная мина. Теперь меня резко волнуют вопросы разоружения — и я думаю, как это лучше сделать: сказать, как советует Маргоша, ему все — и про рост, и про акцент, и про кольцо на пальце — или, наоборот, снова применить русский «метод картошки»?

Книжный шкаф

Этот выпуск посвящен в основном специальным изданиям, выпущенным женскими организациями разных стран — России, Армении и Хорватии

1. **Права женщин в России. Законодательство и практика, № 1 1998. Учредитель: Женская информационная сеть, издатель Татьяна Тройнова. Издается при финансовой поддержке Westminster Foundation for Democracy.**

«Необходимость в такого рода издании назрела очень давно, можно даже сказать, что мы слишком промедлили с началом этой деятельности. Журнал необходим для того, чтобы,

с одной стороны, дать возможность неправительственным женским организациям, работающим в области продвижения прав женщин, вовремя получить законодательные документы, с другой — сделать видимой для органов власти деятельность этих организаций». — с такими словами издатель нового журнала Татьяна Тройнова обратилась к читателям. В редакционный совет журнала входят известные юристы, правозащитники, исследователи, лидеры женских объединений. В первом выпуске опубликован текст Концепции законотворческой деятельности, по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, вопросы анкеты, разработанной в связи с обсуждением Концепции Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи Государственной думы Российской Федерации, дайджест сообщений женских информационных центров и бюллетеней. Предлагается также краткое содержание выпуска на английском языке.

Обратиться в адрес нового издания можно по адресу: 121019 Москва, а/я 65

2. **«Нет — насилию в семье». Общественная экспертиза законопроекта «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье», специальный выпуск Вестника проекта «Новые возможности для женщин», 1997, № 10.**

Авторы-составители сборника Марина Либаркина (кандидат экономических наук, содиректриса ИЦ НЖФ) и Татьяна Сидоренкова (аспирантка НИИ укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ) предлагают читателю широкий спектр материалов по проблеме домашнего насилия. «Обращение к читателям» вводит в курс проблемы, содержит информацию о государственных мерах и практике общественных организаций по предотвращению зла. Рядом с убедительными (и устрашающими) статистическими данными приводятся выдержки из интервью работников кризисных центров

и признания обратившихся за помощью. Читатель имеет возможность ознакомиться с результатами анкетирования участковых инспекторов милиции, врачей, женщин и мужчин. Большое внимание уделяется рассказу о практике работы кризисных центров в российских городах и за рубежом. В сборнике приведены также тексты проекта федерального закона «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье», федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», а также модельного законодательства о насилии в семье, рекомендованного ООН. Комментарии и предложения, а также выдержки из заключения общественной экспертизы законопроекта (в которой принимали участие юристы, работники МВД, исследователи, работники кризисных центров и представители общественных организаций) о насилии в семье также включены в материалы сборника.

Нет сомнения в том, что сборник поможет полнее осмыслить проблему как широкому читателю, так и специалисту-правоведу, а также работникам различных государственных и общественных структур. Издание выполнено при поддержке Фонда Форда.

По всем вопросам, связанным с изданием можно обратиться в ИЦ НЖФ по адресу: 121 019 Москва, а/я 230, тел/факс 366 9274, e-mail icnw@glas.apc.org

3. **«Женщины и развитие: права и возможности». Армения, 1998. На армянском, английском и русском языках.**

В основу сборника легли материалы международной конференции по положению женщин в современном мире, состоявшейся в Ереване в 1997 году. Конференция была организована Ассоциацией женщин с университетским образованием, в работе приняли участие представители 18 отделений Ассоциации, 15 НПО Армении, представители

Грузии и России. В центре внимания докладчиков находились четыре основных направления — процессы демократического развития в Армении, гендерное равенство в условиях формирования гражданского общества, социальное партнерство и международная правозащитная система. Соответственно, четыре основных раздела представлены в книге текстами выступлений докладчиков — исследователей, общественных деятелей, преподавателей высшей школы. Отдельную главу составили материалы состоявшихся в рамках конференции «круглых столов» («Армения. Реформы. Реальность и перспективы», «Национальное и социальное согласие и отчуждение», «Женщины и политика. Паритетная демократия», «Демократия с нами и без нас. Гражданское участие»). Опубликованы также документы, принятые конференцией, в том числе заявление о присоединении к призыву 19 лауреатов Нобелевской премии мира об объявлении первого десятилетия грядущего тысячелетия Декадой культуры ненасилия. Книга — первый доступный российскому читателю объемный труд, представляющий широкий спектр проблем, связанных с положением женщин в диалектическом многообразии позиций и подходов. Материалы, посвященные культуре ненасилия и преодолению последствий конфликтов, представляют несомненный интерес как для активистов НПО и политиков, так и для исследователей и самого широкого читателя.

Книжный шкаф

4. **«Seminar «Women and politics», documentation. «Ženska Infoteka» Perss, Zagreb 1998 (на хорватском и английском языках. Под редакцией Джурджи Кнежевич).**

Сборник материалов прошедшего в июле 1997 года в Дубровнике международного семинара «Женщины и политика» знакомит читателя с выступлениями представительниц стран разных частей Европейского континента — Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии, Венгрии, России, Финляндии, Румынии. В центре обсуждения находились проблемы участия женщин в политической жизни, положение женщин в странах с переходной экономикой, идеи женского предназначения. «Картина, которую мы получили в результате полученных набросков, к сожалению, еще не очень благоприятствует женщинам. Эта картина все еще автоматически приводит к размышлению о сути вещей, а также к раздумьям о тех специфических проблемах социальной жизни, в которых неравенство было порождено и умножено. Это побуждает также исследовать проявления и причины того, почему это было умножено», — пишет директор Женской инфотеки Джурджа Кнежевич в предисловии к сборнику о состоявшейся встрече.

С этими словами трудно не согласиться. Во всяком случае, чтение текстов выступлений, прозвучавших в Дубровнике, меньше всего побуждает отложить книгу и заняться ежедневной рутинной, они скорее побуждают задуматься об этой самой рутине и ее сути, а также о том, что в странах, «переживающих период перехода», или, как привычно говорят по-английски — In transition, — по крайней мере относительно положения женщины в обществе и политике, слишком много общего, и поэтому неплохо было бы побольше и получше знать о практике и обстоятельствах жизни друг друга. Женская инфотека провела семинар и в 1998 году представители нашего журнала присутствовали в числе участников очень интересного обсуждения. О нем мы расскажем в будущих выпусках — и надеемся также на то, что новый сборник из Хорватии мы получим уже в нынешнем году.

Вышли в свет четыре брошюры, осуществленные в рамках проекта «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований в рамках программы «Женщины и развитие» Международного центра по исследованию женщин (Вашингтон) при содействии Агентства по международному развитию США. Директор проекта Елена Кочкина, координатор проекта Елена Кулагина. Издания рассчитаны прежде всего на читателей из числа активисток женских неправительственных организаций, законодателей, журналистов.

Состоялось и обсуждение — книга Ольги Ворониной стала главным предметом обсуждения на «круглом столе», организованном проектом «Гендерная экспертиза» и Центром законодательства и СМИ. В дискуссии принимали участие лидеры женских организаций, исследователи, специалисты в области СМИ, представители прессы. Обсуждение проходило очень интересно и продуктивно, живая дискуссия лишь подтвердила актуальность темы.

Хочется надеяться на то, что обсуждения работ проекта будут продолжаться. Нельзя также не поздравить авторов — совершена первая и очень отважная попытка гендерного анализа современного российского законодательства и практики. Разумеется, не последняя — но все последующие исследователи не смогут не учесть опыта проекта «Гендерная экспертиза».

По всем вопросам можно обратиться в проект по адресу: 121 019 Москва, а/я 21.

5. **О.А.Воронина. Гендерная экспертиза российского законодательства о СМИ, Москва, 1998.**

6. **Е.А.Баллаева. Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России, Москва, 1998.**

7. **Н.П.Космарская. «Женское измерение» вынужденной миграции в миграционное законодательство России, Москва, 1998.**

8. **М.Е.Баскакова. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. Москва, 1998.**

DIRECTORY

OF WOMEN'S
NON-GOVERNMENTAL
ORGANIZATIONS
IN RUSSIA & THE CIS

Москва
1998

9. Женские неправительственные организации России и СНГ. Справочник. Составители: Н.И.Абубикирова, Т.А.Клименкова, Е.В.Кочкина, М.А.Регентова, Т.Г.Тройнова. Москва, «Эслан». 1998.

Издание на русском и английском языках подготовлено автономной некоммерческой организацией «Женская информационная сеть», финансируемой Агентством международного развития США.

В справочник вошла информация о 447 женских организациях России и 216 — в странах СНГ (контактная информация и описание деятельности 225 российских женских организаций). В приложении содержатся электронные адреса российских женских организаций и информация о женских СМИ и федеральных органах власти, связанных с улучшением положения женщин. Справочник начинается обзорной статьей «Женские организации в России сегодня». Справочник посвящается женщинам, организовавшим Первый независимый женский форум (Дубна, 29-31 марта 1991 года).

СПРАВОЧНИК

ЖЕНСКИЕ
НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ
РОССИИ И СНГ

Москва
1998

Исследования и документы в области коммуникации • 110

Неоконченная повесть:
Женщины в средствах массовой информации
Гендерный анализ трудовых ресурсов

Издание ЮНЕСКО

10. Маргарет Галахер, Мю фон Ойлеф. «Неоконченная повесть: Женщины в средствах массовой информации. Гендерный анализ трудовых ресурсов». Издание ЮНЕСКО, Москва, 1997. Издано на русском языке при поддержке «Института Открытого общества. Фонд содействия» в рамках программы «Журналист и журналистика».

Сборник «Неоконченная повесть: Женщины в средствах массовой информации. Гендерный анализ трудовых ресурсов» — одна из первых работ, рассматривающих вопросы гендерного распределения занятости в СМИ в мировом масштабе. Исследование проводилось с использованием сравнительно-статистических данных на региональных материалах. В сборнике широко представлены графики, диаграммы, таблицы, обобщающие данные как по регионам, так и по странам. Работа явила собой своеобразный результат многих встреч и форумов по проблеме «женщины в СМИ», прошедших в разных частях света в последние годы. Авторы пытаются ответить на вопрос — как и в каких областях СМИ работают сегодня женщины, что мешает их продвижению на ключевые посты, каково их влияние на формирование планов в программе СМИ. Разговор поднятый в сборнике только начал. Тем, кто вознамерится продолжить его, а также всем, интересующимся проблемой рекомендуем внимательно изучить материалы нового издания.

По всем вопросам можно обратиться в «Институт Открытого общества» или в редакцию журнала.

